

Прощальный поцелуй

ТАСМИНА ПЭРРИ

РОМАН

ХАРЬКОВ **КЛУБ**
СЕМЕЙНОГО
2016 **ДОСУГА**

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)
П97

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Выражаем особую благодарность
литературному агентству «Andrew Nurnberg Literary Agency»
за помощь в приобретении прав на публикацию этой книги

Переведено по изданию:
Perry T. The Last Kiss Goodbye : A Novel / Tasmina Perry. —
London : Headline Review, 2015. — 384 p.

Перевод с английского *Игоря Толока*

Дизайнер обложки *Наталья Переверзева*

ISBN 978-617-12-1171-1 (PDF)

- © Tasmina Perry, 2015
- © DepositPhotos.com / ryan-king999, обложка, 2016
- © Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2016
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2016

Посвящается моей маме

ПРОЛОГ

БАКИНГЕМШИР, НАЧАЛО 1961 ГОДА

Разумеется, он опоздал. Доминик Блейк всегда опаздывал, он этим славился. Можно было с уверенностью сказать, что Доминик явится последним на любое мероприятие, будь то званый обед, карточная игра или даже венчание, а потом будет глуповато улыбаться, стараясь выпутаться из неловкого положения за счет своего обаяния. Это было наигранно, и тем не менее он постоянно так делал. Ему очень не хотелось расстраивать Ви, но сегодня вечером этого было не избежать.

— Проклятье! — буркнул он себе под нос, когда, резко поворачивая, наехал колесом на бордюр. — Этого еще не хватало! — проворчал он, выскакивая из своего «Стэга»¹ и бегом устремляясь по ступенькам крыльца Бэткомб-хауса.

— Добрый вечер, Коннорс, — сказал он пожилому мужчине, открывшему ему дверь. — Они еще за столом?

— Леди Виктория в столовой, сэр, — ответил дворецкий. — Хотя, думаю, с пудингом уже покончено.

— Чудесно, — бросил Доминик и, прежде чем толкнуть двойные двери в столовую, поправил свою бабочку.

Встретили его ироничными аплодисментами и присвистом.

— Ладно, я знаю, — сказал он, поднимая вверх руки. — Согласен: я, как всегда, в своем репертуаре, черт меня побери.

Он сразу направился через всю комнату к женщине, сидевшей во главе стола слева, и, наклонившись к ней, быстро поцеловал ее в щеку.

¹ «Стэг» — модель спортивного автомобиля британской автомобилестроительной компании «Триумф». (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

— Прости меня, Ви, — сказал он. — Даже не знаю, что ты обо мне думаешь.

— Тебе как раз прекрасно известно, что я о тебе думаю, Доминик Блейк, — сказала она, но ее строгий тон был смягчен неким намеком на улыбку, тронувшую ее алые губы. — Поскольку из-за тебя мой цивилизованный званый ужин получился каким-то скомканным, я рассчитываю на компенсацию в виде каких-нибудь скандальных сплетен.

— Я постараюсь загладить свою вину.

— Кофе подадут в гостиную, — вставая и обращаясь ко всем присутствующим, сказала она. — Во искупление своей провинности мистер Блейк будет танцевать фанданго.

Под одобрительные возгласы Доминик театрально поклонился, и все поднялись из-за стола. «Вот они, сливки общества», — разглядывая гостей, подумал он. Раскрасневшиеся от кларета мужчины в костюмах, сшитых на заказ портными, доставшимися им от отцов, и женщины с вечно бегающими глазами, все в шелках и жемчугах. Их манера двигаться, их смех, непоколебимая уверенность в том, что никакие невзгоды не могут коснуться их в принципе, — от всего этого просто разило деньгами.

— Ну ладно, можно приступать, — шепнула Виктория, вплотную подходя к нему.

— Приступать к чему?

— К твоим оправданиям, разумеется. Я знаю, у тебя наверняка что-то припасено. Что задержало тебя на этот раз? Скучнейшее заседание в адмиралтействе? Побег от мальтийских гангстеров? Внезапная болезнь бабушки?

Доминик рассмеялся:

— Нет, Виктория. Все намного проще — я проспал.

— *Проспал?* — Она усмехнулась и бросила взгляд на стоявшие на камине золотые часы тонкой работы. — Доминик, сейчас поздний вечер, без четверти десять. Ты что, вампир?

— Ладно, — шепнул он, склоняясь к ней. — В «Клариджес»¹ я познакомился в баре с одной молодой леди, и она была так настойчива, что я...

¹ «Клариджес» — один из самых известных лондонских отелей высшего класса в районе Мейфэр.

Виктория остановила его, положив руку ему на плечо:

— Нет-нет. Подумав немного, я решила, что ничего не хочу об этом знать. Просто буду довольствоваться тем, что сейчас ты здесь. К тому же, надеюсь, у тебя с той юной леди из «Клариджес» ничего серьезного. Сегодня я пригласила сюда парочку совершенно очаровательных женщин. Очень красивых и со связями... — драматическим тоном прошептала она.

— Любая женщина по сравнению с тобой — одно разочарование, и ты это прекрасно знаешь, — усмехнулся он, нежно приобняв ее за плечи.

В ответ Ви бросила ироничное «ха!», но Доминик видел, что его комплимент был ей приятен. Самое смешное, что с его стороны это не было пустой лестью: леди Виктория Харборд соединяла в себе практически все, что он искал в женщинах. Она была красива, элегантна и поразительно умна, и вдобавок была щедрой и обладала вкусом ко всему необычному, что проявлялось как в декоре ее комнат, так и том факте, что Доминик Блейк — редактор-шалопай-авантюрист — получал приглашения на ее вечера.

«Возможно, если бы все было по-другому...» — начал размышлять он, но в этот момент к ним подошел невысокий полный мужчина в смокинге и обнял Ви за талию.

— Доминик, ты все-таки успел, — пророкотал Тони Харборд со своим выраженным американским акцентом. — О чем ты сплетничаешь с моей женой на этот раз?

— Она пытается сосватать меня, — ухмыльнулся тот, подмигивая Виктории.

Она улыбнулась ему в ответ, а он уже не в первый раз задался вопросом, действительно ли его подруга любит этого богатого ньюйоркца. Конечно, женщины с безупречной родословной и титулами и раньше выходили замуж за деньги, но хотя Виктория и Тони, который был намного старше ее, со стороны казались довольно странной парой, их взаимные чувства часто трогали Доминика и вызывали в нем зависть.

— Это хорошо, — рассмеялся Тони, обрезая золотым резком кончик сигары. — Чем быстрее ты найдешь кого-то, Блейк, тем лучше. Тебе необходимо остепениться, хотя бы для того, чтобы вы с моей женой сами не стали предметом сплетен.

* * *

Доминик должен был признать, что званый ужин удался на славу. Иногда шумные вечеринки, устраиваемые леди Викторией для высшего общества, несмотря на ее сверхъестественный талант собирать вместе интересных людей, получались невыносимо унылыми и предсказуемыми. Мужчины обсуждали одно и то же: политику и шансы удачно поохотиться в уик-энд, а женщины делились всякими забавными историями про своих детей, каждый из которых был или будущим Рахманиновым, или Пикассо, или Цицероном.

Однако сегодня он беседовал с одним поэтом, который верил, что растения могут разговаривать друг с другом, и известным представителем партии тори, намекнувшим о своем тайном пристрастии к натуразму¹.

— Вы не находите, что эти чопорные накрахмаленные сорочки очень стесняют движения? — сказал тот Доминику.

Потом он пригубил бренди с другом Тони, Джимом Френчем, промышленником из Техаса, которого до этого знал только как человека с репутацией безжалостного торговца оружием. Френч сразу же ему не понравился, но он вынужден был признать, что для журнала «Капитал», редактором которого он был, эта фигура — настоящая находка. Он намекнул на это Виктории, надеясь, что она могла бы устроить им еще одну встречу, но она сразу же предупредила его, что крайне неразумно заводить себе врагов из среды богатых и влиятельных людей.

Однако самый полезный разговор у него состоялся с одним библиотекарем из Оксфорда, который после минимальных побуждений с его стороны с радостью — и даже с облегчением, как показалось Доминику, — признался ему, что всю войну занимался разработкой химического оружия в каких-то конюшнях в Уилтшире.

— Знаете, — сказал этот старик, — а ведь то были лучшие пять лет моей жизни. Да, гибли люди — у меня самого брат подо-

¹ Натурализм — течение, в основе которого лежит максимальное приближение человека к природе для оздоровления тела и духа, характеризующееся практикой социальной наготы. Цель этого движения — развивать уважение к себе, людям и природе. Натуралисты не отождествляют себя с нудистами, полагая, что действия последних не основываются на каких-либо философских принципах. (Примеч. ред.)

рвался под Арнемом, — но зато во всем этом был смысл, ты испытывал ощущение, что делаешь *что-то важное*, являешься частью чего-то намного большего, чем ты сам, если вы понимаете, о чем я говорю. Буду с вами откровенен, молодой человек: вся моя жизнь после этого воспринималась как спад и разочарование.

В конце концов Доминик извинился и отошел в сторонку, чтобы немного отвлечься. Обернувшись и глядя на толпу гостей, он улыбнулся, пряча улыбку за поднятым к губам бокалом с бренди. Забавно: о каждом из них он что-то знал. Необязательно скандальное, иногда просто нечто сокровенное. Но почему они рассказывали ему все это? Теоретически они должны были бы шарахаться от него как от прокаженного. Все знали, что он редактор «Капитала» — одного из не всегда серьезных, но при этом весьма влиятельных журналов, который был в широкой продаже. К тому же он слыл одним из главных сплетников и плейбоев в городе и с удовольствием поддерживал такую репутацию. Тем не менее люди неизменно открывались ему. «Возможно, это объясняется честным выражением моего лица», — снова улыбнувшись, подумал он.

На самом же деле все было намного проще: он просто получал ответы на задаваемые им вопросы. Англичане слишком тактичны, чтобы интересоваться чьими-то делами, и поэтому, когда ими все же интересуются, они обычно идут навстречу и все выкладывают сами.

Доминик заметил это в далекой юности, когда в их скромный домик в деревне приезжали друзья его родителей. Богатые люди любили поговорить. В их мире заправляли не деньги, а сплетни и слухи. И больше всего люди зажиточные любили поговорить о самих себе. Какой смысл сорвать большой куш на золотых крюгеррандах¹ или затащить в постель жену лучшего друга, если не перед кем будет этим похвастаться, верно?

Он прошел в библиотеку, где огромные французские окна выходили в благоухающий сад. Задержавшись у полки, он провел пальцами по корешкам принадлежащей Виктории прекрасной коллекции книг в кожаных переплетах. Услышав за спиной шорох,

¹ Крюгерранд — золотая монета ЮАР.

он обернулся. В дверях, картинно оперев руку в бедро, стояла красивая блондинка — настоящая роковая женщина из «черного фильма»¹.

— Снова прячешься от меня, Домми? — мурлыкающим голосом произнесла Изабелла Гамильтон, жена Джеральда Гамильтона, члена кабинета министров. — Ты приехал так поздно, и я уже решила, что ты избегаешь меня.

Она неторопливо подошла к нему, цокая каблучками по паркету библиотеки.

— Я никогда от тебя не прятался, Иззи, — отозвался он, и губы его изогнулись в чарующей улыбке. — Просто нам не нужны всякие неловкие ситуации. Тем более у всех на глазах.

— Ты можешь поставить меня в любую неловкую ситуацию, и даже в любую позицию, Доминик Блейк, — с улыбкой сказала она и, подняв руку, нежно провела пальцем по его щеке. — Ты же знаешь, что ради тебя я готова на все. Только попроси.

— Иззи, мы не можем так... — говоря это, он слегка отступил назад.

— Но почему же? — прошептала она. — Раньше нас это не останавливало.

В памяти его промелькнули соблазнительные воспоминания.

— Я хочу тебя, — шепнула она ему прямо в ухо.

— Иззи, прошу тебя! — Он понимал, что, если так пойдет дальше, ему будет трудно контролировать себя.

— Я хочу тебя прямо сейчас, — тихо выдохнула она, легонько касаясь губами его лица.

Испытывая укоры совести и раскаяние, он взял ее за руку и медленно покачал головой.

— Мы не должны этого делать, — уже более решительно сказал он.

— Но почему? — Она недовольно надула губы, отстраняясь от него.

— Не должны, и все.

¹ «Черный фильм», или «фильм-нуар» — жанр киноискусства, возникший во время Второй мировой войны. Как правило, это криминальная драма или жесткий психологический детектив. Для «нуара» характерны мрачная атмосфера цинизма и пессимизма, стирание грани между героем и антигероем и т. п.

Изабелла быстро взяла себя в руки, понимая, что настаивать на своем не стоит. В данной ситуации, по крайней мере.

— Ты в этом уверен? — спросила она.

— Уверен, — кивнул он.

— Тогда я лучше пойду, — обиженно поджав свои очаровательные губки, сказала она. — Ты же знаешь, Джеральд всегда очень скучает по мне.

— Меня это не удивляет, — совершенно искренне произнес он.

Выражение ее лица смягчилось, и она, поцеловав свой палец, нежно прикоснулась им к губам Доминика.

— Прощай, Доминик, — сказала она, а он закрыл глаза, наслаждаясь этим теплым и чувственным прикосновением и понимая, что это было в последний раз.

Он смотрел, как ее стройный силуэт скрывается в толпе шумных гостей, а потом закурил сигарету.

Отодвинув тяжелую штору из зеленого бархата, он открыл французское окно и, с удовольствием подставив лицо порывам холодного ветра, выпустил на улицу большое извивающееся кольцо сизого дыма.

Он был здесь, на одном из самых престижных приемов года, в окружении всего местного бомонда, но в душе чувствовал пустоту и неустроенность.

Наверное, Тони прав. Наверное, ему необходимо остепениться. Он уже предостаточно вкусил красот прекрасных молодых женщин вроде Изабеллы, а также множества блондинок, брюнеток и рыженьких, менявшихся, как в калейдоскопе. Вероятно, ему действительно нужно изменить свою жизнь, хотя это всегда было очень непросто. Нахмурившись, он смотрел, как дым сигареты растворяется в темноте ночи.

— Доминик!

Голос этот он не сразу узнал. В первый момент он даже подумал, что это Джеральд Гамильтон захотел с ним пообщаться, но затем уловил акцент и понял, кто это.

— Евгений! — Он улыбнулся, испытал облегчение, и погасил окурок о подошву своей туфли.

Он познакомился с этим русским военным атташе на Рождество, когда тот появился в посольстве своей страны в Кенсингтоне, и он очень понравился Доминику. Сначала его удивляло,

что Евгения приглашали на приемы и званые обеды вроде этого, так как люди относились к Советам с подозрением — холодная война была в разгаре. Однако на самом деле все загадочное и запрещенное — в том числе и этот красивый советский военный атташе — вызывало интерес в салонах высшего общества по тем же самым причинам, по которым в них был вхож и сам Доминик.

— Как поживаешь, дружище? — сказал он, кладя руку русскому на плечо.

Евгений просто кивнул в ответ.

— Мы можем поговорить? — спросил он.

Слушать Доминик был готов всегда. Он вынул из кармана портсигар, открыл его и предложил приятелю темно-коричневую сигарету «Собрание».

— Конечно можем, — сказал он, и они вышли в сад.

Воздух был насыщен сладковатым ароматом нарциссов и влажной травы, и все вокруг заливала мягким кремовым светом лениво взирающая с неба полная луна.

Они присели на каменную скамью, и, когда Евгений начал говорить, Доминик, скрестив ноги, закурил, выпустил очередное кольцо дыма и приготовился слушать, даже не догадываясь, что этому разговору суждено полностью изменить ход его жизни.

ГЛАВА 1

ЛОНДОН, НАШИ ДНИ

Эбби Гордон с горестным видом взглянула на красновато-коричневую карту с заворачивающимися краями, которая была расстелена перед ней на дубовом столе, и вздохнула. В голове мелькнула мятежная мысль: действительно, ну кому какое дело, где находится этот самый Самарканд? На миг она ощутила острое желание скомкать эту карту и швырнуть в огонь. Она даже представила себе, как старую бумагу лижут языки пламени и она начинает обугливаться. Впрочем, она тут же замотала головой и быстро оглянулась: не видел ли кто-нибудь, что она покраснела? Но, к счастью, поблизости не было никого, кроме мистера Брамли, пожилого профессора, склонившегося над материалами исследований по другую сторону стеклянной двери.

Мистер Брамли, определенно, очень дорожил этой картой. Пожалуй, он даже полез бы в огонь, чтобы спасти ее.

«Держи себя в руках, Эбби», — сказала она себе, представив бедного мистера Брамли, сующего руки в огонь.

А ведь еще совсем недавно она любила свою работу архивариуса в Королевском картографическом институте, ККИ. Ну да, это, конечно, не галерея Тейт и не Институт искусства Курто. И она целыми днями не занималась каталогизацией бесценных шедевров, как кое-кто из ее друзей, с которыми она вместе училась на факультете истории искусств. Она не работала в модной галерее или престижном аукционном доме, не ассистировала знаменитому фотохудожнику. Правда, про архив ККИ с благоговейным придыханием говорили разные фанаты старинных карт и энтузиасты географии по всему миру. Хотя сама Эбби к их числу не относилась, все же она не могла не приходиться в восторг при виде тех сокровищ, которые ей удавалось находить среди архивного хаоса. Конечно, там были карты, тысячи карт, которые хранились в специальных помещениях с климат-контролем (и это означало, что без колготок там реально холодно). Там были атласы, как общедоступные, так и очень редкие и ценные, включая атлас, принадлежавший самой Марии-Антуанетте, — тяжеленный том в кожаном переплете, к которому было запрещено прикасаться всем, включая и начальника Эбби, Стивена. Были тут и другие артефакты — старинный сапог, кислородный баллон, потускневший бронзовый компас и т. п., — которые в основном были беспорядочно рассованы по картонным ящикам, стоявшим рядом с рабочим столом Эбби. С виду все это была просто всякая всячина, оставшаяся после давно забытых экспедиций. Но у каждого из этих предметов была своя история — компас капитана Скотта¹, тропический пробковый шлем Стэнли², ледоруб, которым пользовались при первом восхождении на Эверест.

Но самым удивительным для организации, специализирующейся на картах, была громадная подборка снимков. Это были

¹ Скотт, Роберт Фолкон — полярный исследователь, один из первооткрывателей Южного полюса, возглавивший две экспедиции в Антарктику.

² Стэнли, Генри Мортон — знаменитый путешественник, исследователь Африки.

сотни тысяч негативов и слайдов, остававшихся после каждой экспедиции, начиная с момента изобретения фотоаппарата. Проблема заключалась в том, что большинство этих пленок никогда не покидали своих футляров; Эбби поэтому и взяли сюда на работу восемнадцать месяцев назад — чтобы каталогизировать их и наконец-то понять, что они собой представляют. Работа эта, казалось, не имела ни конца ни края.

Сделав глубокий вдох, она свернула карту в трубочку и аккуратно уложила обратно в тубус, довольная тем, что выполнила хотя бы один пункт из списка намеченного на сегодня.

Русская степь, отпечатано и раскрашено от руки Морганом Джонсоном примерно в 1789 г. Эбби понимала, что, попади эта карта на аукцион, за нее предлагали бы тысячи фунтов. Только этого никогда не случится, потому что она застряла здесь, в пыльном цокольном этаже Королевского картографического института, терпеливо дожидаясь на полке, когда кто-нибудь заинтересуется ею и позаботится о ней.

Что ж, это чувство было хорошо знакомо Эбби.

Зазвонил телефон.

— Архив, слушаю вас, — сказала она своим самым подходящим для телефонных разговоров голосом. — Алло?

В трубке было слышно чье-то тяжелое дыхание, приглушенная болтовня и смех. Она догадалась, что звонит ее босс, который, понимая, что ланч затянулся, хочет проявить заинтересованность делами на работе.

— Эбигейл, это Стивен. Ты меня слышишь?

Эбби удалось улыбнуться. Стивен Картер, директор архива ККИ, в телефонных разговорах был безнадежен и всегда вел себя как джентльмен викторианской эпохи, впервые пользующийся этим диковинным аппаратом.

— У нас там все в порядке?

Эбби оглянулась на шаткую гору картонных ящиков.

— Ничего такого, с чем бы я не справилась самостоятельно.

— Это хорошо, хорошо, — торопливо сказал Стивен. — Я просто хотел тебе сказать, что вряд ли появлюсь сегодня, — сама знаешь, как проходят эти совещания.

Да, это она знала хорошо. Язык у него уже немного заплетался.

— Впрочем, у нас тут отличные новости, — продолжал он. — У Кристины есть потрясающая информация насчет выставки, и мне уже не терпится тебе об этом рассказать.

Сегодня Стивен отправился на свою ежемесячную встречу за ланчем с директором коллекций Кристиной Вей — напыщенной дамой, которую ККИ не интересовал совершенно, зато очень интересовало собственное продвижение по карьерной лестнице. Грандиозные планы Кристины всегда вызывали у Эбби чувство неловкости и никогда не сулили ничего хорошего сотрудникам института.

— Меня это как-то касается? — спросила она.

— Поговорим об этом завтра, — ушел от прямого ответа Стивен. — Мы должны знать, каково положение дел на сегодня. Кристина хочет получить полный обновленный отчет в письменном виде. Она действительно очень рисковала, соглашаясь на эту выставку, так что мы не должны ее подвести. Мы с тобой поняли друг друга?

— Конечно, — пробормотала Эбби, одновременно быстро печатая общий имейл трем своим лучшим подругам — Анне, Джинни и Сьюз, чтобы они были готовы вечером отправиться куда-нибудь выпить.

— Завтра утром мы первым делом пройдемся по окончательной подборке картинок, а затем ты сможешь отнести слайды и негативы в лабораторию, — продолжал тараторить Стивен, явно торопясь побыстрее закончить разговор. — Все, я должен лететь. Ох, а можешь подготовить того Джонсона 1789 года для мистера Брамли? Ты же знаешь, как он по-особому к этому относится.

— Уже подготовила, — сказала она, читая мгновенно пришедший ответный имейл от Сьюз.

Увидимся в баре. Очень рада, что у тебя наконец появилось настроение для этого.

— Замечательно, ты просто сокровище!

И в трубке раздались короткие гудки.

Эбби положила трубку на аппарат и взглянула на часы. Не было еще и половины пятого — целая вечность до того момента, когда она сможет безболезненно уйти с работы, даже если Стивен до конца дня так и не появится.

Кроме того, нужно было подготовиться к отчету. Стивен Картер был неплохим начальником, но большим педантом в отношении всяких мелочей и очень любил угодить сильному миру сего, и Эбби понимала: несмотря на то, что она была временным работником, за любые просчеты, ошибки или несоответствия в архиве козлом отпущения сделают именно ее.

Теперь, когда она была одна, без поддержки родственников или любимого человека, она могла рассчитывать только на себя; в этой ситуации даже думать не хотелось о том, что будет, если она потеряет работу.

Почувствовав, что на глаза наворачиваются слезы, Эбби быстро заморгала, чтобы прогнать их, и прошла в фотокомнату, к длинным рядам синевато-серых металлических полок, на которых стояли десятки картотечных ящиков с негативами, слайдами и оттисками.

Она двинулась вдоль ряда, проводя пальцами по торцам деревянных ящиков. Собственно говоря, эту часть своей работы она любила больше всего. Карты особых чувств в ней не вызывали: ну кого может завести, скажем, плохо выполненное схематичное изображение Ланкашира? Но с фотографиями все было по-другому. В них ощущалась какая-то особая магия. Это были сокровенные свидетельства тех давних времен, когда о мире было известно не так много, но находились люди, которые отваживались отправляться в неизведанные уголки дикой природы. Она села в офисное кресло и выдвинула ящик. Если в общих чертах, в ее обязанности входила каталогизация всего архива. Она должна была описать, что находится в каждом ящике: экспедиция, год, часть света, имена участников и достижения — такие вещи, которые потом можно было внести в компьютер, а впоследствии находить по ссылкам.

Но была у нее и другая задача: ей предстояло заставить эти призраки прошлого заговорить. Ее пригласили и для того, чтобы она курировала выставки экспонатов из хранилищ и представляла эти давно забытые снимки публике.

Первая такая выставка, посвященная двухсотлетию института, должна была состояться через три недели, и у Эбби не было полной уверенности, что они к ней готовы. Выбрать снимки для показа было легко. Называлась экспозиция «Великие британ-

ские путешественники», и выбирать можно было из весьма впечатляющих экспедиций: покорение Эвереста и К2¹, освоение обоих полюсов, даже путешествие Левенгука вверх по Нилу. Но чего-то все-таки не хватало, так что в центре экспозиции, образно говоря, оставалась дыра. Эбби до сих пор плохо себе представляла, что бы это могло быть, и только надеялась, что поймет это, если оно попадется ей на глаза.

Набрав побольше воздуха в легкие, она потянула на себя узкий ящик и открыла его. Внутри лежала подборка слайдов. Она взяла первый и посмотрела его на свет. Несколько маленьких фигурок на фоне снежных вершин. Взяла следующий: снятая с небольшого расстояния группа носильщиков, улыбающихся невидимому фотографу. Она взглянула на надпись на боковой стенке ящика. Там значилось: *Экспедиция Мортимера, Непал, 1948*. Эбби подъехала на своем кресле к специальному столу для просмотра слайдов, включила подсветку и взяла лупу — это хваленое увеличительное стекло, позволяющее разглядеть кадр, не печатая фотографию.

Монохромное изображение зазубренных пиков Гималаев производило сильное впечатление, но не слишком отличалось от десятков других подобных снимков снежных вершин, которые Эбби уже отобрала. В этом и была проблема: экспозиция выглядела очень уж снежной, очень горной и очень белой. Все в одном ключе.

Она надула щеки и подумала, что хорошо бы сейчас выпить чашку чая. Но брать чай в это вызывающее клаустрофобию помещение, чем-то напоминающее внутренности подводной лодки из старого кинофильма, запрещалось.

«Похоже, только без неунывающих морских волков», — угрюмо подумала Эбби.

Она пожалела, что работает в таком мрачном и уединенном месте. Когда она ушла из Музея Виктории и Альберта, где работала полный день, ее друзья наверняка решили, что она сошла с ума. Но никто не знал истинных причин ее ухода и даже не догадывался, почему она предпочла должность внештатного сотрудника в ККИ.

¹ К2 — одно из названий Чогори, второй по высоте после Джомолунгмы горной вершины в мире. Самый северный восьмитысячник. Гора обозначена К2 как вторая вершина горного массива Каракорум. (*Примеч. ред.*)

Эбби и Ник Гордон никогда не афишировали свое стремление иметь ребенка. Несмотря на то, что из их компании они поженились первыми, никто у них не спрашивал, почему в их доме все еще не слышен топот детских ножек. Им обоим было за тридцать, жили они в Лондоне, развлекались и все силы отдавали карьере. Для них это стало запретной темой. И даже, пожалуй, их интимной тайной. Если ты подозреваешь, что у друга проблемы с потомством, ты же не спрашиваешь его об этом! Разве что он сам решит с тобой поделиться наболевшим.

Эбби и Ника предупредили, что ЭКО — экстракорпоральное оплодотворение — дело непростое. Но она не подозревала, сколько эмоциональных и физических сил для этого потребуется. Именно поэтому она устроилась в институт на должность с гибким графиком работы. Но ребенка все не было. А потом не стало и мужа.

Она вытащила следующий ящик, на этот раз с черно-белыми фотографиями. Надпись на нем гласила: *Перу, Амазонка, 1961*.

Она попыталась сосредоточиться и отогнать образ Ника, время от времени возникавший в ее сознании.

Сев, она поставила ящик на колени и начала осторожно перебирать фотографии.

На первой был изображен мужчина, присматривающий за несколькими мулами, на фоне длинной долины, покрытой буйными зарослями влажного тропического леса. Вторым оказался прекрасный снимок колибри крупным планом; на третьем была запечатлена группа носильщиков с усталыми обветренными лицами, которые тащили на себе громадные корзины.

«По крайней мере тут хоть снега нет», — подумала она, чувствуя, что может найти здесь что-нибудь подходящее.

Она стала быстро просматривать старые снимки, пока один из них не привлек ее внимание. На нем были запечатлены мужчина и женщина, стоявшие вплотную друг к другу. Он касался пальцами ее щеки, она положила ладонь на его руку, и со стороны это выглядело как сцена нежного прощания. У Эбби перехватило дыхание, и она от неожиданности прижала пальцы к губам. Все это было так красиво и трогательно, хотя она не смогла бы толком объяснить, почему именно. Вроде бы ничего такого уж необычного, нечто подобное каждый день можно увидеть на вокзалах и в аэропортах.

И все же здесь было что-то другое, чувствовалось напряжение и душевная боль. Женщина, казалось, потеряла голову от горя. Но почему? Кто был этот мужчина и кем была его возлюбленная?

Она быстро перевернула фото. На обратной стороне было написано: *Экспедиция Блейка, Перу, август 1961.*

Судя по остальным фотографиям, мужчина собирался отправиться в джунгли. Может быть, она умоляла его остаться, но он все равно туда пошел? «Интересно, — подумала Эбби, — сколько лет этим влюбленным сегодня, живы ли они и не расстались ли?»

Она снова посмотрела на снимок. Господи, он был действительно хорошим! Эбби была уверена, что он будет прекрасно смотреться в экспозиции. У нее было достаточно впечатляющих, ударных снимков, от которых у зрителя отвисала челюсть, — крошечные фигурки, карабкающиеся по высоченной отвесной стене, или увешанные сосульками корабли, зажатые льдами посреди бескрайних белых полей. Но этот был совсем другим. В нем чувствовалась эмоция, он наводил на мысль, что отправиться в опасное путешествие — это не просто встать и пойти. В реальном мире это граничило с геройским поступком, что заставляло задуматься: «А что, если бы идти нужно было мне? Что бы я чувствовал при этом? И что чувствовал бы тот, кто оставался ждать?» Эта фотография красноречивее любых слов говорила о силе любви и страхе потери.

То, что она плачет, Эбби сообразила, только когда на стекло проектора упала крупная слеза.

«Недопустимо заливать своими слезами бесценные артефакты!» — отчитала она себя, выскакивая из фотокомнаты за салфеткой.

— Эбигейл, с вами все в порядке?

Обернувшись, она увидела, что на нее пристально смотрит мистер Брамли. Кристофер Брамли был одним из их постоянных клиентов, и он часто спускался в архив за дополнительными материалами для своих исследований. Седовласый и сгорбленный, он редко заговаривал с ней, разве что просил найти какой-нибудь документ или карту.

— Да, спасибо, все в порядке, — быстро ответила Эбби, вытирая мокрые щеки.

Старик поднял брови.

— Надеюсь, что это действительно так, — мягким тоном произнес он.

Она подумала, что он знает о ее жизни. Может быть, что-то слышал о ней.

— Вам сюда. Карты, за которыми вы пришли, здесь, — уже более бодро сказала она.

— Думаю, на сегодня я ваш последний посетитель. В институте уже давно пусто, — улыбнулся мистер Брамли; порывшись в кармане, он вытащил салфетку и протянул ей. — Я уверен, что мистер Картер не имел бы ничего против того, чтобы вы сегодня заперли тут все пораньше и пошли домой.

Она кивнула, подумав, что именно так она и поступит, после чего вернулась в фотокомнату, чтобы закончить начатое.

Фотографию Блейка она сунула в конверт из плотной бумаги, решив, что завтра спросит насчет нее у Стивена. В конце концов, он проработал в хранилище более десяти лет и обладает энциклопедическими знаниями обо всех путешественниках и составителях карт за последние три сотни лет.

Она выключила свет и, убедившись, что все заперто, надела жакет и набросила ремешок сумочки на плечо.

— Увидимся завтра, мистер Брамли, — сказала она, проходя через комнату, где он работал.

— О, я этому не удивлюсь, — отозвался старик. — Собираетесь куда-то сегодня?

— Собственно, да. Хотим с подругами немного выпить где-нибудь.

Он улыбнулся:

— Желаю вам хорошо провести время, Эбигейл. Вы это заслужили.

Она усмехнулась в ответ. До сих пор она не особенно ждала вечера, который намеревалась провести с подругами, но теперь поняла, что это как раз то, что ей сейчас необходимо. Она взбежала по ступенькам из полуподвала на первый этаж, в залитый светом атриум института. «Назад, в цивилизацию!» — подумала она и, взглянув на экран своего мобильного, обнаружила, что пропустила один звонок — в цокольном этаже сигнал был слабым.

Она набрала номер голосовой почты, чтобы прослушать сообщение, и почувствовала, как у нее тоскливо засосало под ложечкой, когда услышала знакомый голос:

— Эбс, это я, Ник. Перезвони мне. Нужно поговорить.

ГЛАВА 2

— Нет, вы представляете — он *поговорить* хочет! — возмущалась Эбби, сидевшая на высоком табурете возле стойки в «Коктейль-баре Хемингуэя» в Уимблдон-Виллидж. Хоть пробыла она здесь всего двадцать минут, ее язык уже немного заплетался.

— Как думаешь, что он скажет в свое оправдание? — спросила Сьюз, накалывая зубочисткой ярко-зеленую оливку.

— Ничего такого, что я хотела бы услышать, — ответила Эбби, которая из-за звонка своего мужа распалаясь все больше и больше.

— Смотрите, администратор нашел нам свободную кабинку! — воскликнула Анна, соскакивая с табурета и хватая свой стакан с «Пиммс»¹. — Побежали, пока нас не обскакала толпа теннисистов. Они все такие сексуальные!

— Такой шанс не стоит упускать, — улыбнулась Эбби, хотя на душе у нее было отнюдь не весело.

Поскольку две недели бал в этом районе Лондона с почтовым индексом SW19 правил один из самых престижных теннисных турниров мира, после окончания игрового дня на кортах Всеанглийского клуба лаун-тенниса и крокета здесь всегда можно было встретить каких-нибудь знаменитостей или спортивных звезд.

Три ближайшие подруги Эбби, Анна, Сьюз и Джинни, дружно решили, что она и так уже слишком долго бездействовала и что вечер, проведенный в одном из заведений в разгар «Уимблдона», может стать отличным шансом для реанимации ее личной жизни.

В обычных условиях она бы согласилась с этим. В обычных условиях это было ее самое любимое время года, время, когда

¹ «Пиммс» — марка алкогольных напитков, традиционный английский крющон; обычно употребляется в коктейлях с лимонадом.

можно было сидеть в уличных кафе, беззаботно перешучиваться с подругами и наблюдать за тем, как мимо тебя проходит весь мир. Но этим вечером у нее было сильное искушение, выйдя из метро, отправиться напрямик домой, в свой маленький коттедж ленточной застройки, находившийся у подножия холма по дороге в Виллидж, — как она делала каждый день в течение последних шести недель.

Уходя с работы, Эбби еще испытывала энтузиазм по поводу сегодняшнего выхода в свет с подругами, но, оказавшись тут, поняла, что у нее нет настроения смеяться, пить коктейли и изображать безмятежность. Она никого не хотела видеть, ни с кем не хотела разговаривать. Конечно, в глубине души она соглашалась с тем, что нельзя вечно оставаться затворницей. Нужно возвращаться в большой мир и принимать какие-то решения. Также было ясно, что она должна собраться с духом и поговорить все-таки со своим мужем, потому что нельзя бесконечно игнорировать его послания. Но, если время выяснить отношения с Ником Гордоном на самом деле пришло, она все равно не знала, что ему сказать, и очень надеялась, что общение с подругами поможет дать какие-то ответы на ее вопросы.

— А вот и Джинни, — заметила подругу Сьюз, когда они проскользнули в кабинку, отделанную кожей кремового цвета.

Увидев входящую в бар высокую брюнетку, Эбби мысленно застонала. В другой раз она была бы очень рада увидеть свою старинную подругу. Анна, юрист высокого полета, и Джинни, серьезный и успешный финансист, были ее главной опорой, людьми, которых в период кризиса лучше иметь в своей команде. Однако Джинни была сестрой Ника, и, хотя после происшедшего она постоянно и заслуженно поносила своего «идиота братишку», звонила Эбби минимум раз в два-три дня, сообщала координаты разных адвокатов и психологов, а также присылала ей небольшие упаковки миндального печенья и бисквитов, у Эбби не было уверенности, что та всецело на ее стороне.

— Что я пропустила? — спросила Джинни, усаживаясь рядом с Анной.

— Ник звонил, — сказала Сьюз, поднимая глаза от своего коктейля.

— Ты говорила с ним? — суровым тоном поинтересовалась Джинни, как будто обращалась к совету директоров.

Эбби вжалась в стул и отрицательно помотала головой.

— На этой неделе он звонил уже шесть раз. Я с ним не говорила, но он просто так не отстанет. На данном этапе мне не развод нужен, а постановление суда, чтобы он оставил меня в покое.

Подружки начали было вежливо хихикать, но произнесенное вслух слово «развод» произвело эффект разорвавшейся гранаты.

— Ты говорила хоть с кем-нибудь из тех консультантов, которых я тебе рекомендовала? Особенно хороша в таких вопросах Мелани Нейлор, — сказала Джинни тоном, не терпящим возражений. — У нее очень высокопоставленные клиенты.

— Если бы я обратилась за консультацией, это означало бы, что я хочу сохранить наш брак.

— Ты должна была хотя бы попытаться, — резко отозвалась Джинни.

— Я не говорю, что ты повела себя слишком грубо, Эбби... — начала Сьюз, наливая «Пиммс» в свой бокал, пока до края не остался миллиметр.

— Но на самом деле именно это ты и хочешь сказать, — огрызнулась Эбби, чувствуя себя загнанной в угол.

— Ты не можешь всю жизнь бегать от него, — более мягко произнесла Анна. — Если ты не будешь отвечать на его звонки, это не значит, что так ты сможешь стереть из памяти все, что произошло.

— Разве я смогу когда-нибудь забыть такое? — воскликнула Эбби, в очередной раз вспоминая момент, взорвавший всю ее жизнь.

О том, что муж изменяет ей, она узнала благодаря СМС. Они ехали на машине на обед к друзьям и остановились на заправке, чтобы залить в бак бензин. Ник побежал платить, оставив свой телефон на сиденье; ее сотовый разрядился, и она минут десять назад звонила с его телефона их друзьям, чтобы предупредить, что они задерживаются. Когда же на него пришло сообщение, Эбби ожидала прочесть какую-то банальность от ждущих их хозяев, что-нибудь вроде *Не переживайте! Курица еще в духовке! Можете не спешить* 😊.

Но это оказалось послание от какой-то женщины, имя которой Эбби не было известно. Несколько слов, взорвавших их семейную жизнь, как ядерный заряд.

Прошу тебя, давай увидимся снова. Я знаю, что это опасно, но, думаю, нам будет хорошо. Целую.

Из-за вероломства этих фраз и удушливых испарений бензина ее едва не вырвало прямо в салоне автомобиля. Подняв глаза, она увидела Ника, бегущего к машине с двумя ее любимыми шоколадными батончиками в руке и улыбающегося, несмотря на хлещущий весенний дождь. На миг она подумала, что, может быть, ей нужно сделать вид, будто она не видела СМС. Что нужно просто продолжать жить дальше, невзирая на то, что она прочла.

Выбор был сделан в считанные секунды, и, как только он сел в машину, она тут же протянула ему его телефон.

— Тебе пришло сообщение, — просто сказала она, заметив тень паники, промелькнувшую на его лице; еще до того, как он прочел СМС, она уже знала, что все в их жизни безвозвратно изменилось.

Прочтя послание, он даже не пытался что-то отрицать. Когда он хрипло выдавил из себя:

— Прости, Эбс, — она, пошатываясь, выбралась из машины; взгляд затуманился от слез, в ушах звенели гудки сигналиющих ей автомобилей.

Своим широким шагом Ник быстро догнал ее и схватил за плечи. Немного позже Эбби подумала, что со стороны они должны были выглядеть в этот момент, как влюбленная пара с рекламного плаката какой-нибудь мелодрамы Николаса Спаркса за миг до страстных объятий под проливным дождем.

Вместо этого он объяснил, что *она* — его клиентка, что однажды он напился на одном из многочисленных деловых ужинов и очнулся у нее в постели. Это было случайно и всего один раз. Она ничего для него не значит, он просто здорово набрался тогда и был в подавленном состоянии. Но для Эбби находиться рядом с ним после этого стало невыносимо. Невыносимы были его прикосновения. Она поймала такси, и к моменту, когда он добрался домой, она уже собрала все его вещи — включая великолепный розовый кашемировый шарф, который он подарил ей на день рождения, и билеты на кинопремьеру, — в большие мешки

для мусора и выставила их в коридор, крича, чтобы он убирался, и выкрикивая все оскорбления, какие только приходили в голову.

Эбби рассеянно покручивала свой бокал с коктейлем, держа его за ножку.

— Спасибо, что пришли сегодня.

Девушки ободряюще закивали.

— Я не могла упустить шанс увидеть здесь Федерера¹, — улыбнулась Анна, стараясь шуткой снять напряжение.

— Ладно, у кого какие новости? — уже более бодро сказала Эбби. Ей меньше всего хотелось сейчас заикливаться на собственных проблемах.

— Работа, работа и еще раз работа, — простила Джинни. — Я впряглась так, что это, похоже, не закончится никогда.

— А я, по-моему, стала противоположностью капризной невесты, — сказала Анна.

— Анна, у тебя свадьба через шесть недель. По идее, ты сейчас должна доводить до истерики флористов и всю ругаться с поставщиками кексов для банкета, всякие такие вещи, — саркастически заметила Джинни.

— На моей свадьбе не будет никаких кексов, — рассмеялась Анна.

— Зануда! — ухмыльнулась Джинни.

— Ну а я ходила к ясновидящей, и она сказала, что у меня будет бурный роман, — сообщила Сюз, которая была одна с тех пор, как оставила своего бойфренда, спортивного агента Терри, изменявшего ей.

— О, я бы очень хотела бурный роман! — с чувством произнесла Джинни. — И не потому, что я настолько занята, что у меня нет времени на вялотекущие отношения. Просто я обожаю всякие безумства типа неожиданно смыться вдвоем в Париж или Рим.

— Как Михаил Барышников с Кэрри в последнем сезоне «Секса в большом городе», — вставила Эбби.

— Вы лучше вспомните, что из этого получилось, — цинично заметила Анна.

¹ Роджер Федерер — швейцарский профессиональный теннисист, бывшая первая ракетка мира в одиночном разряде.

— Он ударил ее, — сказала Сюз. — В смысле Петровский дал Кэрри пощечину.

— Это да, но она все равно была влюблена в Бига. Из этого в любом случае ничего бы не вышло, — заявила Эбби, помнившая свой любимый сериал до мельчайших подробностей. — А потом Биг прилетел в Париж, чтобы спасти ее.

— Вот это действительно был широкий жест! — закивала Сюз.

Официантка принесла из бара закуски, и Эбби принялась грызть куриное крылышко.

— Ну а что касается широких жестов, — сказала Анна, переключая свое внимание на Сюз, — мне кажется, они могут быть пустыми. Тратить деньги или громко кричать легко. Но есть мелочи, которые могут значить очень много. Я, например, обожаю, когда Мэтт бросает свои дела, чтобы помочь мне, даже если я его не прошу. Или когда он покупает мне книгу, о которой я вскользь упоминала сто лет назад.

Джинни вынула из сумочки зазвонивший мобильный.

— Черт бы тебя подрал! — воскликнула она и, пробормотав: — Это Нью-Йорк, — извинилась и выскочила из бара, чтобы поговорить по телефону.

Эбби почувствовала, как ее напряженные плечи расслабляются.

— Она сестра Ника, но она желает тебе добра, — подметив это, сказала Анна.

Эбби взглянула на подругу.

— Добра — это как?

Повисло неловкое молчание.

— И что ты собираешься делать, Эбс? — наконец спросила Анна.

— Найму адвоката. Заполню бумаги. Запущу процесс. Подам на развод. Это ведь, по-моему, так делается, нет? — Голос ее дрогнул, и она, пытаясь успокоиться, сделала долгий глоток «Пиммс».

— Ты уверена, что хочешь именно этого?

— А какие могут быть другие варианты? Чтобы я *простила* его? Не могу. Я много думала над этим. Он спал с кем-то еще, и я не могу проигнорировать это. Измена, ложь... Потеряно доверие. А если оно ушло, его уже не вернуть. И наши отношения никогда не будут прежними.

— Но это не означает, что он не любит тебя, — задумчиво произнесла Анна. — Мужчины слабы. Если у них есть что-то перед носом, они это возьмут. Вспомни хотя бы Тайгера Вудса¹.

— Его как раз лучше не вспоминать, — закатила глаза Сьюз. — У него любовниц было хоть отбавляй.

— Та женщина не была любовницей Ника, — резко прервала ее Эбби.

Сьюз сочувственно взглянула на нее:

— Не нужно тебе так его защищать.

— Я не его защищаю, а себя, — ответила Эбби.

— Заранее, пока это не случилось, никогда не знаешь, сможешь ты простить или нет. Я на работе с этим все время сталкиваюсь, — сказала Анна. Она как юрист специализировалась на взаимодействии со СМИ и в основном занималась тем, что обеспечивала судебные запреты на освещение в прессе всяких опрометчивых шагов своих богатых клиентов. — Эти люди совершают массу глупых, эгоистичных поступков — снимают секс на видео, спят с другими известными людьми. А их жены или мужья время от времени все им прощают.

— Возможно, у знаменитостей все по-другому, — заметила Эбби.

— Просто стерпеть и простить легче, — сказала Сьюз, пожимая плечами. — Мой Терри был полной скотиной. Я много раз делала вид, что не заметила следов помады на его воротнике, просто потому, что в противном случае это означало бы, что нужно куда-то съезжать, искать себе квартиру и, оставшись одной, возвращаться к нудной процедуре поисков кого-то другого. Иногда проще промолчать, хотя каждый раз, когда я его прощала, я теряла частичку уважения к себе.

— Не смотри сразу в ту сторону, Эбс, — вдруг переходя на шепот, сказала Анна. — По-моему, тот блондин у стойки на тебя запал.

Эбби уже очень давно не чувствовала себя сексуальной или привлекательной и занервничала при мысли, что кто-то глазеет

¹ Элдрик Тонт («Тайгер») Вудс — знаменитый американский гольфист, миллиардер, самый богатый спортсмен мира; развелся с женой после серии сексуальных скандалов.

на нее. Бросив рассеянный взгляд в том направлении, куда смотрела ее подруга, она увидела красивого молодого парня, который с радостной полуулыбкой действительно рассматривал ее.

— Черт возьми, Эбс, он такой классный! — прошипела Сьюз.

Эбби схватила свой бокал, надеясь, что никто у барной стойки не заметил, как она покраснела. Впрочем, ее пылающие щеки, похоже, были видны даже из космоса.

— Он меня не интересует, — твердо сказала она. — Меня мужчины вообще больше не интересуют. С этого момента буду заниматься котами и выпечкой.

Сьюз схватила кувшин с «Пиммс» и вылила себе в бокал все, что там оставалось.

— Ты уверена, что не хочешь попробовать с ним замутить?

Эбби улыбнулась и кивнула.

— В таком случае я собираюсь добавить еще немного и заняться им. Как знать, Анна, может, я приведу к тебе на свадьбу еще одного гостя.

С этими словами Сьюз двинулась в сторону симпатичного незнакомца, и Эбби, глядя на нее, в очередной раз восхитилась подругой, не терявшей надежды встретить настоящую любовь.

Сидевшая напротив нее Анна скрестила руки на груди.

— Людям свойственно совершать ошибки, Эбби. Думаю, что уметь прощать — это не так уж плохо, — тихо произнесла она.

— А ты, вообще, на чьей стороне? — огрызнулась Эбби, но тут же одернула себя: она не хотела быть резкой с Анной, которая в эти дни стала для нее самым близким человеком, с ней у нее было больше всего общего, и именно к Анне она могла обратиться в кризисной ситуации. И на самом деле обратилась вскоре после разрыва с Ником, и Анна часами говорила с ней по телефону, не осуждая, а просто выслушивая.

— Я на твоей стороне, Эбс, — сказала Анна, подаваясь вперед и кладя ладонь на ее руку. — Просто я знаю, как ты любишь Ника, как он любит тебя и как хорошо вам было вместе.

— До того, как он разбил мне сердце, — тихо произнесла Эбби.

Анна полезла в свою сумочку и что-то достала из нее.

— Вот тебе визитка моего Мэтта, — сказала она, подталкивая к ней по столу белую карточку с красивым тиснением.

Жених Анны был одним из самых известных в Лондоне адвокатов по бракоразводным процессам. Эбби знала и с десяток других способов связаться с ним — например, через Facebook, по электронной почте, с помощью сервиса LinkedIn¹, к которому она подключилась не так давно и в этой связи чувствовала себя очень продвинутой. В конце концов, Мэтт был ее приятелем, так что она могла просто позвонить ему, если бы захотела с ним поговорить. Но была в этом жесте Анны некая торжественность, заставившая Эбби почувствовать, что речь идет о всей ее дальнейшей жизни.

— Ты сама знаешь, какой он молодец в таких вопросах, — добавила Анна. — А если ты сочтешь неудобным просить его об этом, у него есть пара замечательных коллег, которые тоже могут тебе помочь... если только ты уверена, что на самом деле хочешь этого.

При одной мысли о том, что за этим последует, Эбби стало дурно. Продавать дом, делить имущество, никогда больше не видеть Ника...

Она закрыла глаза и представила, как ей будет не хватать его; это будет так ужасно, что она снова задумалась, не попытаться ли забыть это ужасное сообщение по телефону. Возможно, Ник Гордон и разбил ей сердце, но он был любовью всей ее жизни, и мысль, что она больше никогда не увидит его, не услышит его голоса, была для нее невыносима.

— Так что же ты все-таки собираешься делать дальше? — спросила Анна, допивая содержимое своего бокала.

— Я должна обо всем хорошенько подумать, — тихо ответила Эбби.

Это, по сути, было подтекстом всей ее жизни.

ГЛАВА 3

Настроение у Эбби было нерабочее. Вообще-то желание работать пропало у нее уже некоторое время назад, но сегодня утром, когда она, выйдя из метро, шла по Эксибишн-роуд, страх перед надвигающимся рабочим днем ощущался сильнее обычного. Она сделала глоток кофе латте из стаканчика, который несла в руке,

¹ LinkedIn — социальная сеть для поиска и установления деловых контактов.

надеясь таким образом просветлить мозги, однако это, похоже, не сработало. Яркие солнечные лучи отражались от ветровых стекол проезжающих автомобилей, и, несмотря на огромные темные очки, из-за этого слепящего света, уличного шума и отголосков вчерашнего бурного вечера голова ее гудела, как барабан. Черт ее дернул идти выпивать среди недели! Ей же не девятнадцать, в конце концов, и приходиться в себя после похмелья стало намного тяжелее, чем в университетские годы.

Когда она переходила улицу, ее едва не сбил белый фургон. Водитель отчаянно просигналил и в открытое окно крикнул что-то обидное.

— Хорошо погуляла накануне?

Она чуть не уронила свой кофе на тротуар.

— Лорен! Меня едва инфаркт не хватил с перепугу! — сказала она, глядя на сияющее лицо подруги.

— Прости, но ты витала где-то очень далеко. Наверное, пересчитывала коктейли, выпитые вчера вечером?

Эбби была поражена точностью оценки ситуации своей приятельницей. Вокруг Лорен Стоун, институтской библиотечарши, всегда витала какая-то мистическая атмосфера, хотя по большей части она создавалась преднамеренно. Богемные блузки и фиолетовые колготки, эксцентричные очки и страстное увлечение часовым делом — все это было тщательно продумано, чтобы отвлечь внимание от того факта, что Лорен была и красива, и очень умна.

— Солнце мешает? — спросила она, кивком указывая на темные очки Эбби.

— Неважно себя чувствую.

— Так что у тебя за повод был накануне?

— Просто немного погуляли с подругами. Обсуждая, какие сволочи все мужики, выпили больше «Пиммс», чем позволяли здоровье и здравый смысл.

— Молодцы, — сказала Лорен и, сунув руку в сумку, извлекла оттуда банан. — Это как раз то, что тебе сейчас нужно. Калий.

— Ты уверена?

— Конечно. Не волнуйся, у меня их там целая связка. — Лорен ухмыльнулась. — У самой дикое похмелье.

— Серьезно?

— Ходила на свидание.

— Ну-ка расскажи! Кто-то интересный? Я его знаю?

— Даже очень интересный. Алекс Скотт из музея Виктории и Альберта.

— Ух ты! — Эбби, зная этого красавчика, рассмеялась. — Расскажи подробнее.

— Потом как-нибудь, — сказала Лорен, махнув рукой. — Пусть сначала позвонит.

Они прошли через ворота ККИ и помахали своими пропусками перед лицом мистера Смита, престарелого охранника, довольно прямо сидевшего за своим столом на проходной. Эбби частенько задумывалась, зачем все это делается, учитывая, что запомнить старику нужно было всего несколько женских лиц, да и крайне сомнительно, что он сорвется с места, чтобы кого-то задержать; просто это уже стало своего рода привычным ритуалом.

— Так что там вырисовывается с выставкой? — спросила Лорен, прежде чем они разошлись по рабочим местам.

— Ну, мы участвуем вроде бы, но наши со Стивеном представления о том, каким должен быть центральный кадр, очень редко совпадают.

Лорен фыркнула.

— Неудивительно, если вспомнить, как он одевается: вкус явно не относится к его достоинствам. Что ж, если тебе понадобится моя помощь, свистни мне. Нельзя сказать, что я сейчас сбиваюсь с ног на работе, так что время у меня найдется.

— Тогда ты можешь отправить мне длинный и смачный имейл про свое свидание с Алексом Скоттом, — ухмыльнулась Эбби.

Она неохотно рассталась с Лорен и, спустившись в свой полуподвал по старым каменным ступеням, набрала побольше воздуха в легкие, прежде чем переступить порог архива.

— Доброе утро, Эбигейл, — сказал Стивен и бросил взгляд на висевшие над дверью часы. — Опоздала на две минуты.

Это был еще один их маленький ритуал. Эбби практически каждый день задерживалась на работе, часто приходила туда в выходные, если кому-то из сотрудников срочно нужно было получить что-то из архива, и тем не менее Стивен считал своим долгом указывать ей даже на секундные опоздания.

— Итак. Наша вчерашняя встреча с Кристиной многое прояснила, — сказал он, когда Эбби села.

На лице его блуждала самодовольная улыбка. Эбби старалась не думать о сексуальности своего босса — до недавнего времени она даже не знала, кого он, собственно, предпочитает в этом плане — мужчин или женщин. Такое ее неведение длилось до момента, когда в ККИ появилась Кристина Вей. Теперь же Стивен приходил в телячий восторг при одном лишь упоминании ее имени.

— Итак, — повторил он, цепляя на нос очки, — хорошая новость состоит в том, что Кристина пригласила на открытие выставки представителей прессы, и многие из них приняли приглашение.

— Фантастика! — сказала Эбби, приходя в радостное возбуждение от мысли, что ее усилия могут быть по достоинству оценены в какой-нибудь центральной газете.

— Более того, — продолжил он, подняв руку, — «Кроникл» посылает к нам одного из своих лучших журналистов, чтобы он сделал репортаж. И если они сочтут наши снимки впечатляющими, под этот материал дадут четыре страницы в воскресном выпуске.

— Тогда лучше, чтобы у нас все было классно, — сказала Эбби, чувствуя, как к возбуждению подмешивается нервозность.

— Верно. На самом деле будет правильно, если я сегодня попозже сам посмотрю твой шорт-лист, чтобы мы уже могли сделать окончательный выбор фотографий. Если к нам идет пресса, экспозиция эта должна быть волнующей. Она должна петь, моя дорогая Эбигейл.

Эти слова ей кое о чем напомнили.

— Кстати, — сказала она, роясь у себя на столе, — я хотела попросить тебя помочь мне разобраться с одним снимком.

— Валяй, — снисходительно произнес Стивен.

Она взяла конверт и, вынув оттуда фотографию, протянула ее боссу.

— Я нашла это в хранилище вчера вечером, — сказала она, наклоняясь вперед. — Перу, 1961 год. Экспедиция Блейка... Тебе это о чем-нибудь говорит?

— Доминик Блейк, — кивнул Стивен. — Он составлял карту отдаленной части амазонских джунглей — по крайней мере это было заявленной целью его экспедиции. Конечно, ходили всякие слухи...

— Слухи?

— Ну да. Слухи о том, что на самом деле он искал Пайтити — затерянный город, предположительно напичканный сокровищами. — Он мельком взглянул на фотографию и вернул ее Эбби. — Полная чушь. Разумеется, это что-то вроде Эльдорадо, одна из бабушкиных сказок, которые быстро превращаются в легенды просто потому, что людям очень хочется во все это верить.

— Так он не нашел его?

— Он вообще ничего не нашел, — сказал Стивен. — Более того, он так и не вернулся.

Эбби тихонько охнула.

— Он погиб?

— Так считается, — пожал плечами Стивен. — Я полагаю, что это был последний официальный снимок, сделанный в той экспедиции. Потом он углубился в джунгли и больше его никто не видел.

Эбби почувствовала, как у нее начали дрожать руки. Она сама не могла понять, почему это ее так шокировало и почему ей вдруг стало так грустно.

— В чем дело? — спросил Стивен.

— Ни в чем, — тихо ответила она. — Мне кажется, что это обстоятельство делает фотографию более впечатляющей и более подходящей.

— Подходящей — для чего? — строго спросил Стивен.

— Для нашей выставки.

— Не смей меня! — фыркнул он. — Это больше похоже на иллюстрацию из журнала «Джеки».

Но Эбби была намерена отстаивать свою точку зрения.

— Мы признали, что экспозицию нужно сделать как можно более убедительной, и это как раз такой кадр, которой мог бы стать самой ее сердцевиной.

— Эбби, как путешественник Блейк ничего собой не представлял — по общему мнению, он был скорее плейбоем. Надеюсь, тебе не нужно напоминать, что выставка наша называется «Великие британские путешественники». И наша с тобой задача состоит в том, чтобы отметить лучших. Самых лучших.

Поддаться уверенности Стивена было очень легко, но Эбби внезапно стало обидно за эту фотографию Блейка.

— У нас есть масса снимков, запечатлевших триумф исследователей и первопроходцев: Эверест, Северный и Южный полюсы,

Бартон на озере Танганьика, Северо-Западный проход¹. Но лично мне кажется, что человеку с улицы трудно понять, сколько мужества и стойкости требуется для таких вещей. Покорение Эвереста пятьдесят лет тому назад имело совсем не тот резонанс, что сейчас, когда каждый встречный-поперечный знает кого-нибудь, кто пробежал марафонскую дистанцию или поднимался на вершину Килиманджаро в благотворительных целях. Это поколение навигаторов и GPS, Стивен. Путешественники никого больше не впечатляют. Люди их просто не понимают. В отличие от тебя.

Поколение GPS. Эбби самой понравилось это выражение, и она отметила, что попала в точку. Стивен выглядел угрюмым и приунывшим.

— Это депрессивный взгляд на вещи. Но, полагаю, в этом есть резон, — наконец сказал он, задумчиво потирая подбородок.

Эбби кивнула.

— Эта выставка не должна быть посвящена только победам и триумфам, только первым. Она также должна рассказывать о потерях, о мужестве, о горячих сердцах. — Она порывисто прижала ладонь к груди, сама удивившись, сколько чувства вложила в этот жест.

Стивен молча размышлял, а потом кивнул.

— Хмм... — Склонив голову, он разглядывал фото. — Думаю, этот экспонат мы могли бы поместить рядом с письмом жены капитана Скотта.

— Да, мне кажется, ты все очень тонко уловил, — затаив дыхание, подхватила Эбби. Опыт подсказывал ей, что хрупкому эго Стивена необходима была уверенность в том, что каждая удачная идея принадлежит ему.

— Хорошо. Добавь фотографию Блейка в раздел, касающийся исследований Южного полушария, и попробуй побольше узнать о женщине на этом снимке.

Улыбнувшись, Эбби подняла трубку телефона и набрала внутренний номер.

— Алло? — послышался сиплый голос.

¹ Северо-Западный проход — морской путь через Северный Ледовитый океан вдоль берега Северной Америки, через Канадский Арктический архипелаг; соединяет Атлантический и Тихий океаны.

— Вот я тебя и поймала, сексуальная ты наша, — рассмеялась Эбби.

— А, это ты, — угрюмо отозвалась Лорен.

— А ты рассчитывала, что это Джордж Клуни срочно разыскивает карту плато Дарфур?

— Просто надеялась, что это может быть Алекс.

— Прости, что разочаровала. Я подумала, не могла бы ты помочь мне найти что-нибудь про Доминика Блейка. Путешественник шестидесятых годов двадцатого века. Особенно меня интересует, был ли он женат.

— Я тут сижу себе, валяю дурака и втихомолку почитываю журнал мод, — уже более радостно отозвалась Лорен.

— Стивен хочет получить эти материалы как можно скорее.

— Ладно, ладно. Загляни ко мне попозже, а я пока посмотрю, что можно для тебя накопать об этом Блейке.

— Познакомься, — сказала Лорен, открывая том Питера Мэя «Три столетия исследований» — библиотеку материалов о разных экспедициях. Положив книгу на стол Эбби, она показала ей фото красивого мужчины в куртке с капюшоном. — Наверное, неправильно симпатизировать умершему, как думаешь?

— Он был очень привлекательным, — заметила Эбби, читая текст комментария.

— Живи он в наши дни, у него было бы уже свое шоу и линия по изготовлению, к примеру, спальных мешков, — сказала Лорен. — Ты о нем что-нибудь знаешь? Это по-настоящему грустная история.

Доминик Блейк позировал фотографу с мотком веревки на плече, на склоне горы на фоне сваленного в кучу оборудования. Поза его была несколько напряженной, но он явно рисовался, глядя прямо в объектив, словно хотел сказать: «Я-то да. А как насчет вас?» На губах его даже была заметна тень улыбки.

— Где это он? — спросила Эбби.

— Каракорумский перевал, — сказала Лорен, прочитав подпись под фото.

— Он был известной личностью.

— Ты себе даже не представляешь насколько. Я звонила своей маме, она у меня в шестидесятых вращалась в обществе силь-

ных мира сего. Так вот, по ее словам, он переспал с половиной дамочек из высшего общества. А откуда такой интерес к его персоне?

— Мне хотелось бы использовать его фотографию в нашей экспозиции.

— Позвоню-ка я своей мамочке. Возможно, приведу к вам еще одну его почитательницу.

— А как насчет его жены? Нам нужен какой-то сопроводительный текст к фото.

— О ней мне ничего не удалось найти. Про Доминика есть страница в Википедии, но там мало информации. Учился в Кембридже, издавал давно умерший журнал «Капитал», написал несколько книжек, путешествовал по миру. Похоже, женат он не был.

— Здесь он выглядит очень даже влюбленным, — сказала Эбби, показывая Лорен фотографию, которую принесла с собой. Взглянув на нее, Лорен шумно вздохнула:

— Вау! Многое бы я отдала за то, чтобы мужчина вот так смотрел на меня. Повезло тетке.

Эбби молча с ней согласилась.

— Вот еще несколько фото из архива, — сказала она. — На этой лицо женщины можно рассмотреть получше.

— Давай проверим, сможем ли отследить ее другим способом, — сказала Лорен, выходя на начальную страницу Google и вбивая в строку поиска «Доминик Блейк», «журнал “Капитал”» и «подруга».

На экране появилось несколько картинок. На них был изображен тот самый Доминик Блейк.

— У нас тут есть подшивка старых светских журналов. Можно еще посмотреть в Интернете архив «Спектейтора»¹.

Эбби пошла в хранилище библиотеки. Это было впечатляющее место, где тянувшиеся от пола до потолка стеллажи были забиты всевозможными книгами обо всем, что могло бы заинтересовать партнеров или сотрудников института, от геологии до птиц, населяющих арктическую тундру.

¹ «Спектейтор» — английский еженедельный журнал консервативного направления. Издается в Лондоне с 1828 г. Освещает вопросы политики, экономики, культуры. (Примеч. ред.)

Взяв один из аккуратно переплетенных томов подшивки, на котором было написано «Журнал «Байстендер», 1958—1962», она положила его на рабочий стол для чтения. На губах ее появилась улыбка: люди, о которых говорилось в этом светском журнале, были, вероятно, друзьями и родственниками многих родовитых клиентов их института. Она открыла номер за январь 1961 года и нашла в нем множество фотографий развлекающихся сливок общества. Если не обращать внимания на давно вышедшие из моды наряды и крупное зерно снимков, их вполне можно было принять за взятые из светской хроники сегодняшнего «Татлера». Те же самые сияющие лица, те же коктейли, те же роскошные особняки на заднем плане. Она просмотрела номер за февраль, потом за март, апрель, май, июнь и июль. Красивое мужественное лицо, которое искала, обнаружилось в последнем из материалов репортажа о Гран-при Монако 1961 года. Это, без сомнения, был тот самый Доминик Блейк, он сидел с сигаретой, закинув руку на спинку дивана. Рядом с ним сидела смеющаяся женщина. Эбби замерла. Это была она. Под снимком имелась подпись: «Путешественник Доминик Блейк и Розамунда Бейли. 14 мая 1961 г.»

Она принесла подшивку Лорен.

— Ее звали Розамунда Бейли.

— Я уже где-то слышала это имя, — отозвалась подруга, впечатывая его в строку поиска.

Глаза Эбби округлились от удивления, когда поисковик выдал тысячи ссылок.

— Так она была еще более знаменита, чем Блейк! — пробормотала Лорен, начиная читать статью в Википедии.

Розамунда Бейли — британская журналистка и политический деятель. Вела полемическую колонку «Взгляд из галереи» в газете «Обзервер», участвовала в создании движения за экологию «Гринскрин» и организации ФемКо — благотворительного фонда, добивавшегося изменений международного права в отношении эксплуатации женщин в странах третьего мира.

Вау. Эбби ожидала, что Розамунда окажется какой-нибудь домохозяйкой из провинции, а столкнулась с настоящей Супервумен.

Она прочла несколько написанных этой женщиной статей, которые удалось найти в архиве: «Какова цена жизни?», «Консервативный подход к вопросу о бедности», «Должны ли мы браться перед Ними американским оружием?» Эбби поняла, что автор придерживалась левых взглядов. Далее следовали новые вехи бурной биографии: участие в маршах за запрет атомной бомбы и ядерное разоружение, демонстрации на Даунинг-стрит, акции против войны во Вьетнаме. В течение последующих десятилетий Розамунда принимала участие в деятельности целого ряда «мозговых центров», созданных правительством, и успела засветиться в нескольких программах центрального телевидения и радио. Теперь уже Эбби удивлялась, как она могла не слышать о ней до этого.

— Вот это сочетаньице: плейбой-путешественник и ярая феминистка! — задумчиво произнесла она.

— Думаешь, она еще жива?

— Возможно — она не такая уж и старая, — сказала Эбби, проводя вычисления в уме. — Середина 60-х, говоришь?

— Ты должна ее разыскать. И пригласить на свою выставку.

Возвращаясь в свой цоколь, Эбби остановилась возле мистера Смита, который держал в руках громадный букет цветов.

— Это только что принесли для вас, мисс Гордон, — не в силах скрыть изумления, сказал он и протянул цветы ей. Поскольку она как-то не торопилась восторженно прижимать их к груди, он неуверенно добавил: — Там есть записка.

Она занервничала, и у нее тоскливо засосало под ложечкой. Открыв конверт, она прочла:

Я буду любить тебя всегда.

Она печально посмотрела на букет. Он был прекрасен: изысканное сочетание пионов и лилий от ее любимого — но зачастую слишком дорогого для них — флориста из Южного Кенсингтона.

Закрыв глаза, она старалась успокоиться, чтобы принять решение. Это была уловка, взятка, ничего не значащий льстивый жест... И она на это не поведется. Сегодня, по крайней мере.

Забрав записку, она протянула букет мистеру Смигу:

— Думаю, произошла какая-то ошибка. Это для Лорен Стоун из библиотеки.

— Но тот мужчина четко сказал, что... — смущенно начал было охранник.

— Прошу вас, — мягко произнесла она, и мистер Смит кивнул, как будто все понял.

Ко времени, когда она добралась в архив, Лорен уже звонила ей по внутреннему телефону.

— Я получила цветы! — учащенно дыша, словно захлебываясь, воскликнула она. — Алекс прислал мне цветы.

Эбби выругала себя за то, что ей не пришла в голову очевидная мысль: теперь ее подруга наверняка позвонит Алексу Скотту, чтобы поблагодарить за букет, который он не посылал. Она запаниковала.

Ее так и подмывало выложить всю правду, но она сдержалась, вспомнив, каким радостным и возбужденным был голос Лорен.

Если Лорен позвонит Алексу и он в ней действительно заинтересован, эта ситуация утрясется сама собой. Если же романтические намерения у него отсутствуют, то благодаря этим цветам Лорен, по крайней мере, будет выглядеть востребованной. «Ситуация беспроигрышная», — подумала Эбби, решив держать язык за зубами: пусть этот букет осчастливит хоть кого-то.

Взглянув на наручные часы, она поняла, что наступило время обеда. Полуподвал снова стал казаться ей душным и безжизненным. Нужно было выбраться отсюда, подышать свежим воздухом, увидеть зеленые деревья, людей и...

Она узнала его мгновенно, даже еще не пройдя вращающиеся входные двери института. Она едва не бросилась обратно в здание, но было поздно. Ничего не поделаешь: пришло время выяснить отношения.

— Привет, Ник, — отрывисто бросила она.

— С годовщиной тебя, Эбби!

ГЛАВА 4

Он был так же красив, как и всегда.

В душе Эбби надеялась, что за последние шесть недель он состарился лет на десять. Что его густые темные волосы поредели

и стали седыми, что его глубокие зеленые глаза утратили блеск. Но ничего подобного. Он по-прежнему выглядел чертовски привлекательным. Лицо, возможно, немного осунулось, но зато на нем появился загар.

— Эбби, прошу тебя, давай поговорим, — сказал Ник, ускоряя шаг, чтобы догнать ее. — Мы должны это сделать.

— Я ничего тебе не должна, — сказала она, даже не взглянув на него.

Язвительность и злоба в собственном голосе удивили ее саму — она и не подозревала, что способна на такое.

Эбби заставила себя сохранять спокойствие. Рано или поздно ей пришлось бы поговорить с Ником. «Нужно оставаться рассудительной и собранной, деловой», — решила она. Да, нужно рассматривать это как деловой разговор. Как будто она звонит в фотолабораторию, чтобы заказать комплект серебряно-желатиновых отпечатков, или договаривается о месте проведения выставки экспонатов.

— Ты получила мои цветы?

— Спасибо, — сказала она, останавливаясь наконец посреди тротуара.

— Шесть лет. А на самом деле — двенадцать. Двенадцать лет вместе.

Эбби сдержанно кивнула, вспомнив жаркое ленивое лето в тот год, когда они окончили первый курс Университета Глазго. Экзамены были сданы, и она решила съездить с друзьями в Гластонбери¹. Гластонбери, подумать только! Ей до сих пор с трудом верилось, что она тогда согласилась поехать туда со всеми. Тихая и чувствительная Эбби Бредли, чья коллекция CD состояла исключительно из саундтреков к романтическим комедиям, а личное потребление наркотиков за первую треть студенческой жизни составляло четверть таблетки «экстези» во время Недели первокурсника.

Но после долгих месяцев упорной учебы, когда она занималась практически во все выходные и праздники, она твердо решила

¹ Гластонбери — город в Великобритании, где с 1970 года проводится Гластонберийский фестиваль современного исполнительского искусства; место проведения фестиваля — ферма Уорси, расположенная в нескольких милях от города.

как следует развлечься и, будучи человеком организованным, подготовилась соответствующим образом. Палатка в бело-розовые цветочки была приобретена в магазине туристического снаряжения, водонепроницаемую обувь и плащ она одолжила у друзей, ходивших в походы. Она также купила запасные носки, флягу, походную печку и сначала опешила, когда соседки по комнате в общежитии сунули ей в рюкзак пачку папиросной бумаги для сигарет и упаковку презервативов. Но потом она поняла, что они правы: нужно быть готовой к любым случайностям.

С Ником Гордоном она познакомилась за час до того, как они добрались до фермы Уорси. Он, тоже студент Университета Глазго, родом из Лидса, был приятелем приятеля ее соседки по комнате. Ник приехал в Гластонбери без палатки. Девушкам, с которыми он только что познакомился, он объяснил, что ее у него украли на Центральном вокзале, и большинство из них сразу же предложили этому сексапильному и остроумному парню место в своей палатке на уик-энд.

Потом как-то так случилось, что Эбби осталась с ним наедине. Его друзья и ее подруги отправились слушать какую-то группу, о которой ей ничего не было известно, а она потеряла счет времени, попивая сидр, смеясь и разговаривая с ним. Эбби удивлялась, что у них столько общего, а осознание того, что этот симпатичный юноша с суховатым, как у всех северян, чувством юмора уделяет ей столько внимания, заставляло ее трепетать.

— Так почему ты все-таки поехал в Гластонбери без палатки? — спросила она, когда они отошли подальше от людей и шума.

— Жалко было, что пропадет дорогой билет, — ответил он.

Они нашли укромное местечко недалеко от фермы, с видом на горы Сомерсета и сцену «Пирамида».

— Я бы на твоём месте решила, что сама судьба подсказывает мне, что никуда не надо ехать. — Попивая тёплый сидр, она улыбалась и думала, что ей нравится сидеть вот тут с ним.

— Не знаю. Думаю, что как раз судьба привела меня в этом году в Гластонбери, — сказал он, а потом поцеловал ее.

С тех пор она не помнила себя без него. Ник помог ей стать лучше, превратиться в более счастливую и более спонтанную версию Эбби, покинувшей родительский дом в городке Портри на острове Скай.

В Глазго они вернулись вместе, нашли там квартиру и жили в ней начиная со второго курса. Эбби не особенно переживала из-за того, что это было все же поспешное и легкомысленное решение. Они прекрасно ладили. Им было легко друг с другом, секс был потрясающим, и они не уставали общаться. После окончания университета они уехали в Лондон, купили там квартиру, даже не рассматривая вариант отдельного проживания, а в двадцать пять лет поженились — первыми из их компании. Нику не у кого было просить ее руки — у Эбби не было родных. Ни одного близкого человека, никого, кто по-настоящему переживал бы за нее. Поэтому перед алтарем церкви Святой Агаты, где-то в глубинке графства Йоркшир, через шесть лет после того памятного уик-энда в Гластонбери Ник Гордон стал ее мужем, ее семьей и вообще всем в ее жизни.

— Может, прогуляемся к Серпантину¹?

— Хорошо, — сказала она, заметив, как после ее ответа ослабились мышцы его лица.

От людской суеты и потока машин в Южном Кенсингтоне они ушли на зеленые лужайки Гайд-парка.

— Как ты? — спросил он, потирая заросший щетиной подбородок.

— Ты имеешь в виду, как я справляюсь с последствиями неверности своего мужа?

— Ну сколько еще раз я должен повторять, что сожалею об этом, Эбс? — сказал он, нервно убирая упавшую на лоб прядь волос.

— А ты снова повтори, — резко бросила она.

Повисло неловкое молчание.

— Я очень люблю тебя, Эбби.

— Думаю, ты наглядно это продемонстрировал.

— Я скучаю по тебе.

Ей не хотелось говорить ему, что и она по нему очень скучает. Что она еще никогда в жизни не чувствовала себя такой одинокой, как в ту первую ночь, которую провела в постели одна. Что

¹ Серпантин — искусственное озеро в лондонском Гайд-парке для купания и катания на лодках.

шесть недель показались ей вечностью, все дни слились в один бесконечный день, и с каждым часом усиливалось ощущение пустоты и надломленности. Как будто она застряла в каких-то удушающих сумерках или наступила полярная ночь, когда солнце не поднимается над горизонтом, а мысль о том, что она когда-нибудь снова ощутит тепло его лучей на своем лице, казалась ей несбыточной мечтой. Да, она очень скучала по нему. Это чувство заслоняло для нее все, но она не была готова признаться ему в этом сейчас.

— Я тут подумал, может, нам уехать на пару дней? Я позвонил в «Бабингтон Хаус», у них есть свободный номер на следующий уик-энд. Мы с тобой могли бы поехать туда. Там и поговорим.

— А там что будет, по-твоему? Короткий отпуск в дорогом отеле, со страстными поцелуями и примиряющим сексом на кровати с балдахином? Так дальше по твоему сценарию, Ник? Ты думаешь, это так должно решаться?

— Просто ты сама всегда хотела поехать в «Бабингтон».

— Но не при таких обстоятельствах, черт побери!

Она присела на лавочку и почувствовала, что злость в ней постепенно сменяется усталостью и печальным смирением.

— Как мы до этого докатились, Ник? — наконец сказала она.

Повернувшись к нему, она посмотрела ему в лицо и тут заметила бледно-лиловые круги у него под глазами.

— Я был идиотом.

— Да уж, иначе и не скажешь.

Он несколько секунд молчал.

— Получается, мы оба что-то упустили?

Она, шокированная, снова повернулась и посмотрела на него.

— Все это время, с той самой секунды, когда я узнала про тебя и ту женщину, я мучила себя вопросами. Может, я была недостаточно красивой для тебя, недостаточно веселой, недостаточно умной? Анна, Джинни и Сьюз твердили мне, что я говорю глупости, что все это не так. Это *у тебя* проблемы, у тебя ищущий взгляд и сверхактивное либидо — не у меня. А теперь ты говоришь, что в этом есть и моя вина. *Мы* это упустили.

— Эбби, я никогда в жизни не встречал такую замечательную женщину, как ты. И уже не встречу.

Присущая ему уверенность, беспечное красноречие и обаяние — все это куда-то испарилось.

— Я совершил ошибку, изменив тебе, и я этого себе никогда не прощу. Но последние два года... Эти бесконечные тесты на овуляцию, секс по расписанию, клиники, доктора, иглотерапевты... Все они обращались со мной просто как с донором спермы. Все это стало таким механическим, Эбби! Таким безрадостным. Мы так упорно старались завести ребенка, что при этом забыли о себе. Ты потеряла из виду нас.

— Поэтому ты и прыгнул в постель с первой же шлюхой, которая в баре, глядя на тебя, взмахнула своими длинными ресницами.

Приятный ветерок дул в лицо, и она закрыла глаза, но, вместо того чтобы представить своего мужа в постели с другой женщиной, она могла думать только о его предложении. Канун Рождества в Нью-Йорк Сити. Тогда она впервые была в Городе большого яблока. Ей всегда хотелось попасть туда на Рождество, и когда молодая IT-компания Ника подписала контракт с богатым клиентом, он решил устроить им короткий отпуск на праздники. Они сняли номер в отеле с видом на Манхэттен и парк, и тут пошел снег. Он стоял у нее за спиной, обхватив ее руками за талию и положив подбородок ей на макушку, и они молча смотрели, как за большим окном тихо падают хлопья снега.

— Ты моя девушка на всю жизнь, — шепнул он ей на ухо.

И у нее никогда не было оснований усомниться в правдивости его слов. Ник и Эбс. Эбби и Ник. Все говорили, что они идеальная пара, и ей хотелось в это верить. Но так было до недавнего времени. Его «ты моя девушка на всю жизнь» оказалось ложью.

— Я должна идти. Нужно еще где-нибудь перекусить.

— Я купил тебе сэндвич, — сказал он, протягивая ей фирменный бумажный пакет «Прет-а-манже».

— Широкий жест, — пробормотала она, вспомнив разговор с подругами накануне.

— Эбби, прошу тебя! Дай мне еще один шанс.

— Шанс? Шанс на что?

— На то, чтобы исправить ситуацию, чтобы все изменить, чтобы показать тебе, как я тебя люблю.

— Ты моя девушка на всю жизнь, — тихо произнесла она.

— Что?

— Ты этого даже не помнишь, — сказала она, сокрушенно качая головой.

К глазам начали подбираться слезы, но она не хотела, чтобы он видел, как она плачет.

— Ты должен знать, что я консультировалась у адвоката, — сказала она, стараясь не уронить достоинства.

Строго говоря, это было не так, но визитка Мэтта Донована действительно лежала у нее в сумочке.

— Так ты *этого* хочешь? — медленно произнес он.

«Сражайся за меня!» — мысленно сказала она ему; ей очень хотелось, чтобы он что-то сделал, хоть что-нибудь, чтобы осознал, что это критический момент, что они оказались на развилке дорог и от его выбора зависело их будущее. Это не могло закончиться так просто. В Гайд-парке с сэндвичем в руке.

Казалось, что время остановилось. Она смотрела на него, такого красивого и невыносимо несчастного, но в конце концов кивнула.

ГЛАВА 5

Улыбка. К такому выражению лица Стивена Эбби не привыкла. Обычно на лице его отражалось отсутствие интереса к происходящему, либо хмурое недовольство, либо нечто вроде чопорной заносчивости, в зависимости от того, приходилось ли ему в тот момент иметь дело с миром современным — прессой, ответственностью, заказом деловых обедов — или же с миром, составлявшим содержание архива института.

— Хорошо получилось, правда? — сказал он, и рука его нервно дернулась к воротничку сорочки, чтобы поправить его.

Стивен тщательно обдумывал, что надеть на открытие выставки, и Эбби подозревала, что процесс этот вызывал у него нечто вроде паники. Она никогда не видела на нем ничего, кроме комплекта из удобных вельветовых брюк и кардигана, однако сегодня он выглядел, как Оскар Уайльд. На нем были бархатный пиджак бутылочно-зеленого цвета, вязанный фиолетовый галстук в ярко-красный рубчик и замшевые ботинки: он явно воображал

себя романтическим поэтом или художником-классицистом. Эбби была очень рада увидеть его в хорошем расположении духа.

— Да, думаю, ты отлично поработал, Стивен, — улыбнулась она.

— О, не нужно скромничать, Эбби, это была командная работа, — ответил тот.

«Так он сегодня еще и великодушен? — подумала Эбби. — Чего же ожидать от него еще? Групповых объятий?»

И все же Эбби испытывала гордость оттого, что ей это удалось. Галерея MINA, расположенная на шумном правом берегу, на первом этаже Редстоун Тауэр, была не очень просторной, но зато современной и гламурной, со стеклянными стенами в противоположных концах зала, в котором побелка сочеталась с отделкой планками из натурального дуба. Эбби знала, что Стивен предпочел бы более традиционную галерею, с деревянными панелями и скрипучими полами, но она все же настояла на своем. Главной целью экспозиции было показать эти давно забытые фотографии широкой публике, а если выставить их в каком-нибудь старомодном учреждении где-то в Мейфэр, они так и останутся забытыми.

Она терпеливо и настойчиво подводила Стивена к выбору галереи MINA. Она обратила его внимание на то, что это похожее на башню здание стоит на месте Испанской пристани, откуда в плаванье отправлялись быстроходные клиперы и суда с прямыми парусами и куда они возвращались с грузом чая и специй. Они также привозили карты, зарисовки, артефакты и всевозможные истории о далеких странах. «В Лондоне — да и во всей Англии — нет такого места, которое бы в большей степени было проникнуто духом путешествий и вызывало желание отправиться в неведомое и вернуться оттуда с уникальными знаниями», — говорила она Стивену.

Впоследствии она десятки раз слышала, как он повторял эти ее слова в телефонных разговорах, которые он вел, чтобы возбудить интерес коллекционеров, ученых и, самое главное, — она представляла, как Стивена передергивает при этом слове, — прессы. Однако оно того стоило.

Галерея уже заполнялась народом, а было всего 19.30. Мужчины в костюмах и рубашках апаш, женщины в коротких юбках

и на шпильках — все они смеялись, попивали бесплатное вино и пялились на артефакты и фотографии в красивых рамках.

— Это и есть тот человек из «Кроникл»? — не размыкая губ, спросил у нее Стивен.

— Я не уверена, — честно призналась Эбби. — Лорен стоит на входе, и я сказала ей, чтобы она сразу предупредила меня, как только он появится. Но женщина из «Таймс» уже на месте, а двадцать минут назад мне позвонили и сообщили, что «Вог» тоже пришлет своего фотографа.

— «Вог»? Правда? — переспросил Стивен и приосанился.

— Я должна пойти свериться со списком приглашенных, — сказала Эбби, которой хотелось что-то делать.

Она чувствовала себя не слишком комфортно на разных общественных мероприятиях и была неискушенной в светских беседах, на которые ее подбивал Стивен.

— Пойди поговори с ним, — шептал он ей, как только видел, что кто-то из посетителей задержался у одной из фотографий дольше чем на тридцать секунд.

При мысли о том, что та или иная фотография теперь будет принадлежать кому-либо из этих утонченных с виду гостей, Эбби даже подташнивало, хотя они уже продали больше десятка снимков и она была занята тем, что наклеивала на эти экспонаты оранжевые кружочки стикеров.

Оглядывая зал, она удовлетворенно улыбалась. Последние несколько недель она была с головой погружена в организацию этой выставки, и это помогало ей справляться со своей печалью. А теперь полный успех «Великих британских путешественников» стал для нее источником истинного наслаждения.

Она знала, что фотографии имеют свойство будить воображение, но тут люди действительно внимательно разглядывали их, порой наклоняясь вперед, чтобы получше рассмотреть лица или какие-то детали. Обычно на такие мероприятия приходят из-за бесплатной выпивки, но сегодня зрители явно получали удовольствие, рассматривая экспозицию.

— Эбби, Эбби! — воскликнула Лорен, подбегая к ней. — Он здесь. Тот парень из «Кроникл». Вот он, — сказала она, указывая на стоявшего спиной к ним мужчину.

Эбби оглянулась на Стивена, но тот как раз отошел поговорить с директором галереи.

— Иди представься ему, — сказала Лорен, слегка подталкивая подругу вперед.

— А это точно нужно? — прошептала Эбби, чувствуя, что ее охватывает паника.

— Ты мне потом еще спасибо скажешь, — ухмыльнулась Лорен и стремительно направилась обратно на свой пост у входа.

Мужчина склонился над застекленным стендом, где были разложены письма жены капитана Скотта, но Эбби это не помешало отметить, что он высокий, белокурый, с короткой стрижкой и элегантно одет — на нем были темные брюки и бледно-голубая рубашка с открытым воротом. Она набрала побольше воздуха в легкие.

— Мистер Холл? — произнесла она.

Он поднял на нее глаза — и оказалось, что он очень хорош собой. Эбби это застало врасплох.

— Да, — сказал он. — Простите, я задумался, и меня унесло далеко-далеко — возможно, даже в Антарктику. — Он усмехнулся, и в его глазах, почти таких же голубых, как его рубашка, сверкнули озорные искорки.

— Эбби Гордон, — представилась она, протягивая ему руку. — Мы с вами общались по телефону, помните?

— Конечно, Эбби, — сказал он, беря бокал с вином в левую руку. — Эллиот Холл из «Кроникл», но вы это, разумеется, знаете, не так ли? Простите, я, должно быть, произвожу ужасное первое впечатление.

«Ну, я бы так не сказала, — подумала Эбби, но тут же постаралась прогнать эту шальную мысль. — Он красив, конечно, но у него внешность первого ученика привилегированной частной школы для мальчиков; может, кому-то это и нравится, но только не мне», — одернула она себя.

— Похоже, ваша выставка имеет успех.

— Пока рано это утверждать, но да, судя по всему, люди в восторге от наших фотографий. — Она внутренне поморщилась: эта фраза была такой же формальной, как сообщение, оставленное на автоответчике.

— Ну, это меня не удивляет. Потрясающий кадр, — сказал Холл, кивнув в сторону фотографии Доминика Блейка и Роза-

мунды Бейли. — Обычно такие подборки абсолютно сухие, как пески пустыни Гоби, но этот снимок наполняет экспозицию жизнью, тем более что вы поместили его рядом с письмами жены Скотта. Меня чуть слеза не прошибла.

Эбби внимательно посмотрела на него, пытаясь понять, не подшучивает ли он над ней. «Типичные понты матерого журналиста, — подумала она, — который высмеивает что угодно. Но если он хорошо о нас напишет, то уж ладно...»

— Я раскопала это фото в нашем архиве. И подумала, что такой трогательный снимок нельзя не включить в экспозицию.

Они двинулись вдоль стенда, и Эллиот провел пальцем по каждой из шести оранжевых наклеек.

— Продается хорошо. Ваша интуиция вас не подвела.

— За этим снимком скрывается удивительная история, — за тараторила Эбби. Она нервничала; мимо них проходил официант, и она, взяв у него стакан с апельсиновым соком, быстро сделала глоток. — Здесь запечатлен момент, когда они виделись в последний раз. Он пропал во время своей экспедиции, предположительно погиб. И никто никогда так и не узнал, что с ним случилось.

— Последнее прощание... — тихо произнес Эллиот.

— Именно так, — подтвердила Эбби, восхищаясь тем, с каким чувством это было сказано.

— Собственно говоря, я собрала информацию об изображенной здесь женщине. Мы не упомянули о ней в наших комментариях, поскольку мой босс посчитал, что нужно сосредоточить внимание на путешественниках и первооткрывателях, хотя она тоже очень интересная фигура. Это Розамунда Бейли, известная в семидесятые и восьмидесятые годы журналистка. Впрочем, впоследствии она, похоже, исчезла с радаров.

— Розамунда Бейли? — удивленно переспросил Эллиот.

— Да, а вы ее знаете?

Холл пожал плечами:

— Ну, не совсем, все-таки я из другого времени, но ее у нас дома частенько поливали грязью. Мой отец с ней не ладил, что, собственно, неудивительно. Она была ведущим обозревателем одной из конкурирующих газет, и ей доставляло особое удовольствие подвергать его нападкам.

— Ваш отец, вы сказали?

— Эндрю Шах.

— Лорд Шах? Тот самый барон прессы? То есть я имела в виду медиумагнат. Уф...

Эллиот рассмеялся:

— Ладно, не переживайте, мне приходилось слышать, как о нем говорили намного более обидные вещи. По-моему, в те времена у него было прозвище Мясник с Флит-стрит¹. Так что образцовым папашей он определенно не был, но это уже совершенно другая история.

— Простите, — пробормотала Эбби. — Я не хотела... Мне надо бы знать.

— Нет, серьезно, все нормально, — сказал Эллиот.

Он задержал взгляд на ней на мгновение дольше, чем следовало бы, и Эбби почувствовала, что краснеет.

— Именно по этой причине в качестве литературного псевдонима я и взял фамилию матери. Отец всегда тяготел к поляризации мнений, что, как вы сами понимаете, может быть как благословением, так и проклятием в моем бизнесе.

— Так, значит, вы тоже лорд? — спросила она. — Или будете им, когда?..

Ну что за вопрос, черт побери!

Эллиот покачал головой:

— Боюсь, что нет. Титул он получил во времена Тэтчер по политическим мотивам, и он только пожизненный. Кроме того, у меня есть старший брат, который и унаследует поместье, громадные долги и двух тайных любовниц.

— Что, правда?

Эллиот расхохотался.

— Нет, Эбби, неправда. По крайней мере что касается любовниц. Мой отец слишком занят игрой в эту свою «монополию», чтобы тратить время на такие реальные вещи, как чувства.

— Я пригласила на открытие выставки и Розамунду Бейли, — сказала Эбби, почувствовав, что их теперь что-то связывает, как заговорщиков.

¹ Флит-стрит — улица в Лондоне, где до недавнего времени располагались редакции главных британских газет; центр газетной индустрии страны.

— Так она придет? — спросил Эллиот, и глаза его загорелись. Эбби пожала плечами:

— Поскольку она мне не ответила, то полагаю, что нет.

— Или она просто не любит отвечать на приглашения. Знаете что? Давайте пойдем поищем ее. — Он прикоснулся рукой к ее талии, и она вздрогнула.

— Мне нужно пообщаться с ней, — сказала она, как можно более деликатно отступая в сторону.

— А давайте будем вместе общаться с ней, — с полуулыбкой сказал Эллиот. — Если Розамунда Бейли здесь, то нас ждет потрясающе интересная история человеческой жизни.

Эбби выдержала паузу, потом кивнула. Стивен настаивал на том, что следует добиться как можно более широкого освещения в прессе. «Материалы в прессе — это осведомленность. Осведомленность — это продажи. А продажи — это будущее института», — подчеркивал он, давая установку персоналу перед началом выставки.

Она уже хотела предложить Эллиоту спросить у Лорен, отметила ли та Розамунду Бейли в списке приглашенных, но тут увидела, как в зал входит очень элегантная, немолодая, но хорошо сохранившаяся женщина. Она была со вкусом одета: серое платье и бежевый плащ, на ногах — туфли-лодочки на низком каблуке, на шее — нитка крупных бус. Ее каштановые волосы с живым блеском были аккуратно заправлены за уши. Страхнув капли дождя со своего зонтика, она оставила его в углу и протянула Лорен свое приглашение.

— Это она, — прошипела Эбби. — Я нашла ролик о ней в «Ньюснайт».

— Тогда чего мы ждем? — отозвался Эллиот, делая шаг вперед.

— Нет, погодите минутку, — сказала она, коснувшись его руки.

Они оба наблюдали за тем, как Розамунда обходила зал. Она двигалась медленно, но грациозно, приостановившись, чтобы надеть очки, прежде чем осматривать экспозицию. Эбби и Эллиот смотрели на нее и молчали. Розамунда с большим интересом разглядывала каждый снимок, и по мере приближения к месту, где стояли они, возбуждение ее, похоже, нарастало.

В конце концов она остановилась перед фото, где была запечатлена с Домиником, и у Эбби перехватило дыхание. Ей показалось, что она услышала тяжелый вздох. Звук этот был едва различим за веселым смехом гостей и звоном бокалов. Затем Розамунда склонила голову и на миг закрыла глаза.

— Экспедиция Доминика Блейка, — мягко произнес Эллиот, делая шаг вперед.

Эбби смотрела на него, поражаясь его такой естественной уверенности. У нее на то, чтобы собраться с духом и решиться заговорить с Розамундой, ушло бы минут пять, если не больше.

— Один из великих путешественников шестидесятых, — со знанием дела добавил он.

— Да, действительно, — отозвалась Розамунда, не в силах оторвать взгляд от фото.

— Думаю, что в этом снимке заключено практически все, что нужно знать об этой экспедиции, — приключения, героизм, любовь.

Она обернулась к нему, и Эбби заметила, что в глазах ее блеснули слезы.

— С вами все в порядке? — озабоченно спросил Эллиот.

Розамунда часто заморгала, скрывая проявление своих эмоций, и губы ее изогнулись в слабой улыбке.

— Все хорошо. Просто женщина на снимке — это я.

Эбби понимала, что больше уже нельзя просто стоять рядом столбом.

— Мисс Бейли? Я Эбби Гордон из ККИ. Это я посылала вам приглашение.

Розамунда протянула ей руку.

— Спасибо, что подумали обо мне. Как вам удалось меня вычислить, черт побери?

Эбби только улыбнулась, не желая раскрывать цепочку своих ухищрений: журнал «Байстендер», интернет-поиск, поиски по спискам избирателей.

— Шампанского? — спросила она и, не дожидаясь ответа, взяла бокал у проходившего мимо официанта и протянула ей.

— Замечательная выставка, — сказала Розамунда, обводя рукой галерею. — Вы включили сюда материалы об экспедиции Клейтона. Какая трагедия! — произнесла она, указывая на груп-

пу людей в нижней части еще одного снимка. — Из них трое погибли. Причем вершины они даже не видели.

Эбби была удивлена. Она выбрала это фото, потому что об этой экспедиции мало что было известно. В целом она считалась неудачной, но у нее была интересная история: капитан Арчи Клейтон, руководитель экспедиции, пожертвовал подъемом на вершину, до которой было уже рукой подать, когда одному из носильщиков-шерпов стало плохо. Он принял решение немедленно спускать заболевшего человека вниз, из-за чего стал посмешищем после возвращения в Англию. Очень немногие знатоки альпинизма могли бы распознать только по одному снимку, о какой экспедиции идет речь.

— Вы хорошо владеете материалом.

— Я любила человека, который любил приключения, — просто сказала Розамунда.

— Эллиот Холл из «Кроникл», — представила ей Эбби своего нового знакомого.

Пожилая женщина понимающе кивнула, глядя на него.

— Полагаю, вы и есть самый младший из Шахов? У вас скулы вашего отца.

— Мои... скулы? — растерянно произнес Эллиот, явно застигнутый врасплох.

— Ах, Эндрю — полное дерьмо. Думаю, что вы и сами это знаете, не хуже всех остальных. Однако он был очень красивым дерьмом. Надеюсь, что от него вы унаследовали только первое из этих качеств, его внешность, — лукаво закончила она.

— Боюсь, что я стал для вас разочарованием по обоим пунктам, мисс Бейли, — сказал Эллиот, немного придя в себя.

— Вы обаятельны и знаете это, но, хочу заметить, вам это идет.

— Мисс Бейли... Розамунда, — запинаясь, заговорила Эбби. — У меня не было уверенности, что вы придете.

— Я и сама не была в этом уверена, — сказала женщина, и улыбка исчезла с ее лица. — Но я была заинтригована, прочтя вашу записку, в которой вы упомянули эту фотографию. Знаете, я ведь ее никогда не видела. Именно эту. Виллем, парнишка, который нас снимал, прислал мне другое замечательное фото, когда Дом пропал, но этот снимок... — Она умолкла, не в силах справиться с захлестнувшими ее эмоциями.

— А где это было снято, Розамунда? Если, конечно, позволительно задать вам такой вопрос, — сказал Эллиот.

Она ответила не сразу, как будто воспоминания причиняли ей боль.

— Дом направлялся в самое сердце Амазонки, — наконец сказала она. — Он планировал одиночное путешествие, но для его подготовки ему нужна была команда. Это было в деревне Кутуба, последнем населенном пункте на его пути.

— Я не знал, что это было одиночное путешествие.

Розамунда печально кивнула.

— Возможно, если бы с ним был кто-нибудь еще, нам хоть что-то было бы известно о его судьбе.

— Что вы ощущаете, глядя на это фото?

Пожилая женщина повернулась к Эллиоту так резко, что это удивило Эбби.

— Даже не надейтесь на то, что вам удастся взять эксклюзивное интервью у рыдающей безутешной невесты, мистер Холл.

— Я и не думал об этом, — быстро ответил он.

— Я проработала на Флит-стрит более пятидесяти лет. И мне известно, зачем вы здесь и чего хотите. Я, конечно же, имею в виду не бесплатное вино и общество привлекательных дам.

Она бросила взгляд на Эбби; эта ворчливая тирада была произнесена с добродушием человека старшего и более мудрого.

— Я знаю, как легко рассматривать все на свете просто как сюжет для репортажа, но не забывайте, что за каждым заголовком или фотографией скрываются жизни живых людей.

— Я не знал, что он был вашим женихом.

Розамунда кивнула:

— Да, был. Все это происходило невероятно давно, но сейчас, в этом зале, мне кажется, будто все было только вчера.

Она внимательно посмотрела на ярлык со стоимостью снимка.

— Ничего себе! — тихо произнесла она, как будто сумма испугала ее. — Полагаю, тиражи этих снимков ограничены.

— Да.

— Тогда, думаю, мне стоит подсуетиться и заказать себе один.

— В этом нет необходимости. Я позабочусь о том, чтобы вам прислали один экземпляр, — сказала Эбби, понимая, что Стивен одобрит такой жест.

— Очень мило с вашей стороны, — улыбнулась Розамунда, заметно смягчившись.

— А как насчет вашего комментария? — спросил Эллиот, не желая упустить свой шанс.

— Думаю, эта фотография красноречиво говорит сама за себя, — сказала она, перед уходом снимая очки и пряча их в карман. — Она рассказывает о силе и бессилии любви.

ГЛАВА 6

ФЕВРАЛЬ 1961 ГОДА

— Это просто возмутительно! — воскликнула Розамунда, швыряя журнал на заваленный бумагами рабочий стол.

Хорошенькая девушка поправила очки в роговой оправе на своем несколько длинноватом носу и из другого конца комнаты бросила взгляд на обложку.

— «Капитал»? Я вообще не понимаю, почему ты читаешь эту дешевку. Этот рупор истеблишмента.

— Вот именно — истеблишмента! — сказала Розамунда. — Именно поэтому я его читаю, Сэм, читаю каждую неделю, с завидной регулярностью. А как еще мы можем узнать, о чем думает враг?

У нее за спиной кто-то фыркнул. Это был Брайан — высокий и худой молодой человек в «униформе» битника — джинсы-дудочки и мешковатый потрепанный джемпер серовато-желтого цвета.

— Враг? — насмешливо бросил он и, обедев циничным взглядом офис, убрал длинные волосы, упавшие на лоб. — Если это война, то, должен заметить, мы ее проигрываем.

Розамунда хотела было что-то возразить, но, подумав, решила, что он прав. Их Группа прямого действия, ГПД, обосновалась на Брюер-стрит, в лондонском районе Сохо, в маленькой комнатке на втором этаже, за дверью с облупившейся краской. В зависимости от настроения обстановку здесь можно было бы назвать интимной или угнетающей: четыре заваленных бумагами стола, единственное окошко с желтоватыми грязными стеклами и лампочка без абажура, болтавшаяся под потолком на

частично оголенном проводе. Шкаф с картотекой нельзя было открыть, потому что весь пол был заставлен стопками книг и газет, коробками с плакатами и листовками с протестами, описанием выгод перемен или призывами к сбору средств для тех или иных целей. Но еще больше угнетало то, что любые претензии ГПД на респектабельность и профессионализм оказывались несостоятельными из-за того, что парадный вход офиса им приходилось делить с уличными «моделями», которые расположились на первом этаже.

Брайан вывесил на лестничной клетке плакат, гласивший, что ГПД поддерживает «работников эротических услуг», а молчание девушек воспринял как ироничное подтверждение его теории насчет того, что «всех нас в итоге имеют — в том или ином смысле».

— И что же, Роз, заставило твою кровь вскипеть на этот раз? — спросила Сэм, протянув руку за журналом.

Ее подчеркнуто высокопарная речь выдавала в ней воспитанницу Челтнемского женского колледжа, но при этом она была искренне преданна делу, за что бы их группа ни сражалась, преданна настолько, что оплачивала аренду этого помещения из наследства, полученного по достижении совершеннолетия.

— Авторская статья на пятнадцатой странице, — ответила Розамунда. — Под заголовком «Конец здравого смысла».

— О чем там написано? — спросил Брайан.

— О, ничего нового. Очередная снисходительно-высокомерная болтовня про то, что расовый вопрос можно решить, выслав всех иммигрантов на их родину.

Брайан прищелкнул языком:

— Чушь, типичная для всех правых! Почему никто из них не видит, что империя умерла вместе с королевой Викторией?

— Вот именно! — воскликнула Роз — это была ее любимая тема. — А этот тип имеет смелость утверждать, что индусам лучше у них дома. Но почему бы не позволить им самим решать, что для них лучше? Если они хотят в поисках лучшей судьбы приехать в Соединенное королевство, кто мы такие, чтобы отказывать им в достойных условиях жизни?

— Согласна, согласна, — сказала Сэм.

— Кто написал эту статью? — спросил Брайан.

Сэм поправила очки на носу.

— Доминик Блейк, — сообщила она, пробежав текст до конца.

— Ничего о нем не слышал.

— Очевидно, это их редактор.

— Издает журнал, имея взгляды привилегированного буржуа, — кисло заметил Брайан.

— Что ж, кем бы он ни был, мы не должны спускать ему это, — решительно заявила Сэм. — Давайте немедленно им напишем!

— Можно подумать, что они напечатают наше послание.

— Ты права, — сказала Роз, забирая у Сэм номер журнала. — Мы ведь Группа прямого действия. Так и давайте действовать прямо.

— Каким это образом?

— А таким. Пойдем в офис этого «Капитала» в... — она быстро посмотрела на адрес редакции, — в Холборне, пристыдим их и заставим отказаться от своих слов.

Брайан горько усмехнулся:

— Ты действительно думаешь, что они изменят свое мнение после того, как мы откроем им глаза?

Возмущенная Розамунда резко повернулась к нему. Иногда она задавалась вопросом, за что ему платит, но тут же вспоминала, что на самом деле не платит, и уже давно. Бюджета ГПД хватало только на оплату телефона, а жалование казалось несбыточной мечтой. Поэтому персонал состоял из таких людей, как Сэм, имеющей связи и деньги на офис, и таких, как Брайан, который настолько проникся чувством долга перед историей, что отсутствие средств считал одним из стимулов продолжать борьбу.

— Возможно, ты окажешься прав, Брайан, — сказала она, стараясь говорить как можно более бесстрастно. — Все мы знаем, что эти люди предвзяты и имеют массу предрассудков. Но если мы не будем бросать им вызов, разве мы можем надеяться что-то изменить в их умах?

Брайана это, похоже, не убедило.

— Ну хорошо. — Он вздохнул и взглянул на висящие над дверью часы. — Но кого ты сможешь найти на акцию протеста в обеденный перерыв в пятницу?

Розамунда ненадолго задумалась. Он ее раздражал, однако в словах его был резон.

— Найдем кого-нибудь, — буркнула она и ушла думать на улицу.

Их не слишком сплоченная группа собралась перед входом в здание, у вращающихся дверей. Розамунда смотрела на свое отражение в отполированной бронзе таблички «Брук Паблишинг: Лондон, Нью-Йорк» и старалась не думать о том, что их всего пятеро.

— Но зато у нас есть плакаты, по крайней мере, — сказала Сэм, словно прочитав ее мысли.

Роз кивнула. Найти людей, видящих смысл в таких протестах, за каких-то пару часов было непросто. По дороге к редакции «Капитала» ей удалось уговорить пойти с ними двух ее друзей, Алекса и Джорджа, но при условии, что после работы она пойдет с Джорджем куда-нибудь выпить. Оба молодых человека были высокими и импозантными — в особенности Джордж, у которого было телосложение борца, — но гораздо более важным было то, что оба они работали в типографии Дженнингса в одном из закоулков за Пиккадилли и, соответственно, имели доступ к картону и краскам. Плакаты ГПД «Покончить с Капиталом!» и «Прислушайтесь к людям!» были весьма впечатляющими, но Брайан притащил еще два — с лозунгом «Права черным!», жирно написанным красной краской, и предположительно обидный «Убирайся обратно в свой Итон!».

Роз в спешном порядке набросала на пишущей машинке в их офисе полемическую листовку под заголовком «Капитал: неприкрытая ложь», которую им удалось размножить на ротаторе, и теперь эти листовки они пытались всучивать вместе с информационным листком о деятельности ГПД отмахивавшимся от них прохожим.

Выбор времени для протеста — в обеденный перерыв в пятницу — оказался на удивление удачным, поскольку это означало, что всем, работающим в здании «Капитала», нужно будет пройти через строй их плакатов, когда они отправятся за своими бутербродами.

— Отзовите свою статью! — кричал Алекс.

— Уволить Доминика Блейка! — вторила ему Роз под ошеломленными взглядами секретарш и курьеров, торопливо проскакивавших через блестящие медью и стеклом двери парадного входа в обе стороны.

— Я не уверена, что до них доходит смысл наших требований, — не раскрывая рта, произнесла Сэм.

— Не это главное, — ответила Розамунда. — Главное то, что мы озвучиваем свою точку зрения и реализуем демократическое конституционное право на протест. И даже не важно, изменит ли это что-нибудь; значение имеет сам факт, что мы это делаем.

Она заметила, что Сэм удивленно подняла брови. Роз была не вполне уверена, что эти аргументы убеждают даже ее подругу. Группа прямого действия приближалась к двухлетнему юбилею своего существования, и в моменты самых мрачных раздумий Роз спрашивала себя, чего они за это время достигли, не считая сделанного полицией предупреждения шесть месяцев назад, когда она приковала себя наручниками перед зданием парламента.

— Мисс?

Кто-то осторожно дотронулся до ее плеча, и она, вздрогнув от неожиданности, обернулась. Перед ней стоял юноша лет шестнадцати, не больше, в ужасно сидевшем на нем костюме — должно быть, он был вручную перешит из отцовского, подумалось ей, но она тут же устыдилась этой мысли. Как бы то ни было, выглядел парнишка перепуганным.

— Да? — сказала она, старясь, чтобы это прозвучало как можно мягче.

— Вы... вы не могли бы пройти внутрь? — запинаясь, произнес парень.

— Что? Куда это?

— Наверх. — Он указал на здание. — Мой босс хотел бы с вами поговорить.

Она слегка встревожилась, но Сэм и Брайан ободряюще закивали ей.

Сунув свой плакат Сэм, она вошла в здание, мельком взглянув на свое отражение в зеркальной стене возле ресепшен. Она была довольно бледной и мысленно посетовала на то, что лицу

не хватает красок, чтобы сбалансировать темный цвет волос. У Роз были сложные отношения с макияжем. Она была против тирании, предполагавшей «полную боевую раскраску», но признавала, что мазок красной помады может мгновенно добавить девушке или женщине уверенности.

Напомнив себе, что у нее есть диплом магистра Лондонской школы экономики, она прошла вслед за посыльным наверх, в дымный просторный зал со множеством рабочих столов и пишущих машинок. В дальнем его конце за стеклянной перегородкой находился кабинет, внутри которого она заметила мужчину — он стоял у письменного стола и разговаривал по телефону.

Юноша постучал в застекленную дверь, и мужчина, тут же положив трубку, жестом пригласил Розамунду войти.

«Вот на ком костюм сидит идеально!» — подумала Роз, неторопливо рассматривая его. С первого взгляда было понятно, что этот человек немало времени проводит у своего портного. На нем был довольно короткий пиджак с по-модному узкими лацканами, а цвет его, светло-серый, прекрасно гармонировал с цветом глаз мужчины. Держа в руках их отпечатанную на ротаторе листовку, он поднял брови, как бы говоря: «Ну и?..» Розамунда почувствовала, как сердце у нее екнуло: враг был рядом, в пределах досягаемости.

— Вы ознакомились с нашей точкой зрения? — спросила она как можно более спокойно.

— Я Доминик. Доминик Блейк, редактор «Капитала», — довольно бесцеремонно представился он. — И да, я прочел это... Мисс?..

— Бейли. Розамунда Бейли. Руководитель Группы прямого действия.

Она продолжала смотреть на него. Его внешность приводила ее в замешательство. Когда она представляла себе автора этой спорной статьи, воображение рисовало ей надутого джентльмена в жилетке и, возможно, с моноклем в глазу, такового ретрограда, проникшегося идеей Империи, с узким кругозором и взглядами колониального толка. А перед ней стоял молодой человек лет тридцати, худощавый, но мускулистый, с зачесанными назад в щегольской манере густыми каштановыми волосами.

— Прошу вас, присаживайтесь, — предложил он.

— Я предпочла бы постоять, — упрямо заявила она, разгладив складки своего пальто, словно готовилась к тому, что ее будут рассматривать.

— Как знаете, — сказал Блейк и сел; вынув из пачки сигарету, он прикурил ее от золотой зажигалки, а пачку бросил перед собой на стол. — Итак. Вы в обиде на журнал «Капитал».

Роз оцетинилась. В его манере разговаривать чувствовалось высокомерие. Она полезла в свою сумку, достала оттуда журнал и открыла его на возмутившей ее статье.

— Вот, — сказала она, протягивая ему журнал и чувствуя, как у нее вдруг начинают гореть щеки. — Эта статья — просто позор.

— Эта? — переспросил явно опешивший Блейк. — Что же могло вас так задеть в моей колонке, черт возьми?

— И вы еще спрашиваете? — скептически усмехнулась Роз. — Да все! Вы расист, капиталистическая свинья! Как у вас еще язык поворачивается спрашивать такое?! Как вам не стыдно?!

Блейк нахмурился и взял у нее журнал.

— А вы, собственно, ее читали?

— Разумеется! — резко бросила она. — И должна сказать, что еще никогда в жизни не читала ничего более высокомерного и оскорбительного по отношению к людям другой расы.

— Так что же вас задело? — снова спросил он, явно недоумевая.

Роз замотала головой. Она ожидала, что Доминик Блейк окажется толстокожим и самоуверенным, но такая его реакция просто не укладывалась у нее в голове.

— Ваше отношение к другим расам, — сказала она. — В тот момент, когда идея репатриации иммигрантов практически стала причиной массовых беспорядков на улицах, вы считаете разумным вот так легкомысленно раздувать это пламя?

Внезапно она запнулась, так как заметила, что Блейк улыбается. А еще она заметила, что улыбка делает его совершенно неотразимым.

— Так вы ее вообще не читали, верно? — спросил он, обрывая поток неизвестно куда уносивших ее мыслей.

— Да как вы смеете?! — возмутилась она. — Я читала ее сегодня утром. Вы там заявляете, что индусов нужно выслать на родину, и пусть они лучше голодают в своей Индии.

— Ничего подобного! — заявил Блейк, и улыбка на его губах растаяла. — Если бы вы удосужились внимательно прочесть мой материал, а не срывались бы с катушек после первого же неверно понятого слова, вы бы знали, что об Индии там вообще не говорится.

— Я вас не понимаю. — Теперь пришла пора удивляться Розамунде.

Блейк набрал в легкие воздуха и шумно выдохнул; он явно был раздражен.

— Не так давно я вернулся из путешествия по бассейну Амазонки — это в *Южной Америке*, мисс Бейли. — Он помахал журналом. — И в этой статье я заявляю, что нам следует индейцев — *индейцев Амазонии!* — оставить в покое. Я написал, что, по моим личным наблюдениям, этот народ у себя в джунглях, в привычном для них окружении, способен идеально справляться и без нашей помощи.

— Да, но... — начала было Роз, пытаясь перехватить инициативу, но он небрежно взмахнул журналом, отменяя все ее возражения.

— Более того, я утверждаю, что, если мы будем продолжать вмешиваться, ведя нечестную торговлю и отправляя туда миссионеров, это приведет к тому, что индейцы будут надеяться на нас, и тогда мы, отняв у них веру в собственные силы, превратим их из гордого и самодостаточного народа в сборище батраков, переезжающих с места на место в поисках случайного заработка.

Он буквально сверлил Розамунду взглядом.

— Если вы заметили, это суждение можно применить шире в рамках расового вопроса, как вы выразились, имея в виду недавно прибывших иммигрантов из Индии. На всякий случай хочу напомнить, что Индия находится в *Азии*.

— А почему вы так переживаете за этих индейцев? — пробормотала она, чувствуя себя загнанной в угол.

— Сострадание присуще не только социалистам, Розамунда, — все еще раздраженно заметил он. — Более того, как раз они во многих случаях этого качества лишены напрочь.

— Возможно, это так и есть, мистер Блейк, но я тем не менее прекрасно понимаю, что представляет собой ваш журнал. И что вы за человек.

— И как же это, по-вашему, выглядит? — с едва заметной улыбкой спросил он, выпуская к потолку тоненькую струйку дыма.

— Вы из семьи землевладельцев. Привилегированная частная школа для мальчиков. Дилетант правого толка, решивший издавать собственный журнал с единственной целью — иметь возможность распространять взгляды правящей верхушки. И то, что вы съездили в отпуск в амазонские джунгли, никак не может изменить те идеи, которые насаждались людям вашего типа в течение многих поколений.

Доминик сделал глубокую затяжку.

— До своей смерти шесть лет тому назад мой отец был управляющим продуктовым магазином в Оксфорде. Мне посчастливилось получить образование в приличной школе-пансионе в графстве Кент, но от Итона это так же далеко, как от земли до неба, вы уж мне поверьте. Мои политические взгляды менялись, но большинство окружающих считало их вполне центристскими, и «Капитал» я начал издавать потому, что понимал: мы живем во времена перемен, и мне хотелось иметь место для дискуссий, где можно было бы обсуждать волнующие события, которые происходят в Лондоне.

В открытое окно доносились слабеющие возгласы топчущихся на улице членов Группы прямого действия, и Роз поняла, что задерживаться дольше нельзя.

— Хмм, — произнесла она, пытаясь сохранить достоинство.

— Можно задать вам один вопрос?

Она не ответила.

— Вам ведь плевать на журнал «Капитал». Но что же для вас важно, Розамунда Бейли?

Он посмотрел ей прямо в глаза, и это застало ее врасплох. Проклиная себя за то, что отвлекается на его красивые ресницы, она быстро взяла себя в руки.

— Для меня важно равенство, справедливость. Я считаю, что у каждого должен быть шанс, независимо от того, кто он такой и где родился.

— Полагаю, что этого же хочет большинство людей по обе стороны политических баррикад. Консерватизм берет начало

в меритократии¹, либерализм — в равенстве, но разве это просто не варианты понятия «справедливость»?

Роз фыркнула. Она не любила, когда ее на чем-то подлавливали. Ей нравилось гонять людей по кругу в процессе спора, но что-то удерживало ее от того, чтобы рассердиться на Доминика Блейка.

— Бросьте. Давайте более конкретно, — не унимался Блейк. — Какие проблемы вас волнуют на самом деле? Что заставляет вас кипеть от злости, когда вы читаете прессу?

— Меня волнует то, что разработка ядерного оружия ведется бесконтрольно. Меня волнует то, что права женщин до сих пор и близко не соответствуют правам мужчин...

— Так напишите об этом! Для меня. Для «Капитала». Объясните, что вокруг не так и почему.

— Писать для вас? Для «Капитала»? Да вы смеетесь надо мной!

— Я никогда не смеюсь над теми, с кем хотел бы сотрудничать.

— Я не хочу писать для «Капитала», — пролепетала она, до сих пор не веря, что он ей это предложил.

— Но почему же?

— Вы, может быть, и не считаете его рупором правых идей, но я другого мнения.

— Мисс Бейли, митинги на улицах — и даже в Гайд-парке — это замечательно, но я все больше склоняюсь к тому, что политическую борьбу следует вести в прессе, во время радиодискуссий и телевизионных передач. Я не сомневаюсь, что вам хотелось бы быть услышанной, но что может быть лучше для этого, чем печататься в серьезном издании, имеющем влияние на людей, которые действительно могут что-то изменить?

— Если только вашим читателям понравятся мои взгляды, — насмешливо бросила она.

— Вот именно! — невозмутимо произнес Доминик. — Половина из них, скорее всего, ни о чем подобном не слышала. Они общаются с друзьями, такими же, как они, которые думают так же, как они. Как можно заставить изменить образ мышления, если не

¹ Меритократия — принцип управления, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные люди, независимо от их социального происхождения и финансового положения. (*Примеч. ред.*)

подбрасывать им что-то, над чем нужно было бы думать? Чтобы по воде пошли круги, мисс Бейли, нужно бросить в воду камень.

Розамунда посмотрела на него с возмущением, но уже по другому поводу. Внутренний голос подсказывал ей, что он говорит толковые вещи, но она ни за что не призналась бы в этом даже себе самой, а не то что ему.

— Мне пора идти, — наконец сказала она, отводя глаза в сторону.

— Жаль. — Он снова взял в спешке распечатанный информационный листок и пожал плечами. — Кто-то дал мне это в руки незадолго до вашего прихода. Я прочел и подумал, что написано хорошо. Для пылкого одностороннего взгляда, по крайней мере. У вас есть талант. Убрать этот задиристый и оскорбительный тон — и я уверен, что люди будут с удовольствием читать ваши материалы.

Он погасил окурок в хрустальной пепельнице и открыл ящик стола.

— Мое предложение тем не менее остается в силе, — сказал он, протягивая ей свою визитку. — Возможно, в следующий раз вы мне просто позвоните, вместо того чтобы кричать под окнами.

ГЛАВА 7

Это была обычная улица. На самом деле настолько обычная, что она вообще показалась Роз какой-то пародией. Деревья, аккуратно припаркованные семейные автомобили, низенькие ограды из красного кирпича, отмечающие границы ухоженных садиков с подстриженными лужайками, живыми изгородями и клумбами. Как будто кто-то нарисовал картину под названием «Идиллия английского пригорода», а затем оживил ее. Роз было странно ощущать себя настолько отстраненной от всего этого. Это была та самая Акация-авеню в Теддингтоне, где она играла еще ребенком, где каталась на своем самокате, а потом и на велосипеде, где рисовала мелом классики на вымощенном плитками тротуаре. Но теперь это выглядело так, будто она смотрела фильм про чью-то чужую жизнь. Все было знакомо, да, но в то же время не имело никакого отношения к ней, несмотря на то, что здесь был ее дом.

Она остановилась у калитки с номером 22 на ней. Белая, деревянная, с планками, расходящимися в форме лучей встающего над горизонтом солнца. Роз прекрасно знала, как она заскрипит, если толкнуть ее.

— Это ты? — раздался чей-то голос еще до того, как она успела переступить порог дома.

Когда на вокзале Роз выходила из поезда, было холодно, темно, шел дождь, а здесь топящаяся печка наполняла кухню теплом, в воздухе витали запахи готовящейся еды, смешанные с ароматом первых нарциссов, букет которых стоял в кувшине на столе.

Разумеется, ее мать что-то пекла: на кухонной стойке стояли миски, горшки, какие-то пакеты, а рядом расположились весы и открытая книга с рецептами, и все это было слегка припорошено мукой.

— Прости за такой беспорядок, — сказала мать, отодвигая стопку книжек, высившуюся на деревянном столе, и указывая на стул. — Твой отец на огороде, занимается помидорами. Одному Богу известно, почему нам просто не купить их в овощной лавке, как делают все остальные, но он клянется, что наши намного вкуснее.

Розамунда посмотрела в окно и улыбнулась.

Сэмюэль Бейли работал в отделении большого коммерческого банка — открывал счета, оформлял закладные и выдавал небольшие кредиты. Роз всегда считала, что работа эта никогда его особенно не интересовала. Но по вечерам и в выходные он с головой окунался в волнующий мир своих многочисленных хобби. Их дом был буквально забит проявлениями вспышек его энтузиазма: шаткая деревянная подставка для тостов — результат его увлечения столярным делом; заброшенный кларнет, оставшийся со времен, когда ему не давали покоя лавры Бенни Гудмена¹; множество черепков, осколков стекла и обломков курительных трубок в шкафу в прихожей, которые он собрал после того, как прочел книгу по археологии.

— Папа, давай домой! — позвала она его, почувствовав вдруг острое желание поговорить с ним.

Мама налила ей чашку чая и уселась за стол напротив нее.

¹ Бенни Гудмен — американский джазовый кларнетист и дирижер.

— Как прошел день? — спросила Роз.

Валери отвела глаза в сторону.

— Давай дождемся твоего отца, чтобы обсудить это. А пока разложи столовые приборы и достань стаканы. Еще пару минут — и мое творение будет готово.

Войдя в дом, Сэмюэль Бейли поцеловал дочь в макушку.

— Я все закончил, — улыбнулся он, моя руки дегтярным мылом над кухонной мойкой. — К июню у нас будут свои помидоры, красная фасоль и лук.

— И я смогу сделать чатни¹, — негромко произнесла Валери.

Роз поймала себя на том, что невольно улыбается. Иногда она чувствовала себя неудачницей из-за того, что в свои двадцать четыре года все еще живет с родителями. Все ее друзья по школе и колледжу уже давно либо переженились, либо снимали небольшие холостяцкие квартирki или комнаты по всему городу. Она хорошо понимала, что такое положение дел позволяло ей экономить немало денег: она никогда не смогла бы позволить себе работать в ГПД, если бы ей пришлось оплачивать съемную квартиру. Но дело было не только в этом. В Группе прямого действия всегда кипели страсти, то и дело возникали стрессовые ситуации, поэтому ей нравилось каждый вечер возвращаться в Теддингтон, в родительский дом, где вдали от ярких огней Сохо и борьбы в мировом масштабе можно было спокойно поболтать о том о сем.

Надев рукавицы-прихватки, Валери вынула из духовки тяжелую форму для запекания, поставила ее на стол и попросила мужа налить им по стакану воды.

— Этот рецепт дала мне наша соседка Марион, — сказала она, ожидая, когда домочадцы попробуют блюдо и похвалят ее стряпню.

— Очень вкусно! — сказал Сэмюэль, быстро сообразив, что от него требуется.

— Итак, что у вас за новости? — спросила Розамунда.

— Похоже, к нам переезжают дедушка с бабушкой, — безо всяких предисловий выложил Сэмюэль.

— Почему? — удивилась Розамунда.

— Дедушка все мается со своей ногой, а у бабушки никак не заживет запястье после того, как она упала на него, выходя из

¹ Чатни — индийская кисло-сладкая фруктово-овощная приправа.

почты, — пояснила мать. — Но на самом деле просто они все время ссорятся, вот я и предложила им переехать к нам, решив, что так будет лучше.

— Точнее, *они* предложили, — пробормотал Сэмюель себе под нос.

Розамунду, которая мгновенно оценила последствия такого хода событий, охватила паника.

— А где они будут спать?

От нее не ускользнуло, с каким выражением лиц переглянулись родители.

— В действительности других вариантов и нет. Они займут твою комнату, а ты переберешься в чулан.

— В чулан?!

— Я понимаю, что условия там не идеальные, но выбирать не из чего. Они мои родители, твои дедушка и бабушка, и они нуждаются в нас.

— Я не могу спать в чулане. Я даже не уверена, что там станет кровать.

— Согласен, — сказал Сэмюель.

На кухне повисло неловкое молчание.

— Тогда я вынуждена буду съехать отсюда, — медленно произнесла Роз. Это был уже не вопрос, а констатация факта.

— Возможно, это как раз тот толчок, который так тебе необходим, — сказала Валери, стараясь подбодрить дочь.

Роз внимательно посмотрела на нее:

— Что ты имеешь в виду под этим «толчок, который так тебе необходим»?

— Дорогая, ты же знаешь, как мы тебя любим, но мы тут переговорили с твоим отцом и думаем, что, живя здесь, ты торозишь развитие своей карьеры.

— Каким это образом, интересно?

Роз поймала участливый взгляд матери.

— Розамунда, у тебя есть диплом магистра Лондонской школы экономики. Ум у тебя острый как бритва, и твоя судьба в твоих руках. Мы знаем, тебе нравится то, чем ты занимаешься сейчас... — Роз видела, что мать очень тщательно подбирает слова, но уже понимала, что за этим последует. — Но когда же ты найдешь себе достойную работу?

Ну вот. Приехали. Она испытала чуть ли не торжество, услышав наконец эти слова.

— Я руковожу инициативной политической группой, мама. У нас есть свой офис, и я осуществляю...

— *Настоящую* работу, я имею в виду, — перебила ее Валери. — С заработной платой и пенсионными отчислениями. С перспективой продвижения по службе. Это, конечно же, не студенческий союз, детка.

Запретить создание бомбы, вывести войска, противостоять апартеиду — Розамунда испила эту чашу до дна, и все это придавало ей силы, как глоток кислорода. В первые недели после своего поступления в Лондонскую школу экономики она организовала сидячую забастовку в университетской столовой в знак протеста против увольнения вахтера, в полной мере насладившись поднявшейся суматохой и, следует признать, ощущением власти над другими людьми. Через пару дней все это захлебнулось, когда соратники начали отлынивать и уходить на лекции, но сам факт, что у нее это получилось, стал для Розамунды настоящим откровением, и она решила продолжать бороться против того, что казалось ей несправедливым. Теперь же она не могла поверить, что ее мать воспринимает все это как какое-то не очень-то подходящее хобби.

— Конечно же, все могло сложиться иначе, если бы ты была замужем, если бы у тебя была какая-то поддержка. Вот Джанет с нашей улицы много работает, занимаясь благотворительностью, ну так у нее муж бухгалтер, который очень неплохо зарабатывает.

Розамунда чувствовала, как закипает от злости.

— То, чем занимаюсь я, делается не ради денег. А ради того, чтобы что-то изменить.

— А как насчет того, чтобы зарабатывать себе на жизнь? — огрызнулась мать. — Ты даже не можешь позволить себе иметь собственную крышу над головой. Ладно, мне сейчас нужно пойти кое-кому позвонить.

— Кому это позвонить? Бабушке? — по-детски запальчиво воскликнула Роз.

— Я оставляю вас вдвоем, вот и поговорите. — Выходя из комнаты, Валери даже не посмотрела в сторону дочери.

С ее уходом напряжение немного спало. Мать всегда была заводной и горячий, она никогда не боялась высказывать свое

мнение открыто, в результате чего они с Роз периодически сжались. По крайней мере Розамунде хотя бы было понятно, почему у нее вздорный и вспыльчивый характер.

— Если тебя это как-то утешит, я тоже не горю желанием видеть их в нашем доме, — сказал Сэмюель, доедая свою порцию жаркого.

Розамунда выжала слабую улыбку.

— Помню, мы как-то ездили с ними в Уэртинг, в отпуск. И когда дедушка захрапел за стенкой трейлера, можно было подумать, что взорвалась бомба.

Они помолчали несколько секунд.

— Так что это было, папа? — наконец спросила Роз. — Жесткость из лучших побуждений?

— Ты же знаешь, наш дом будет твоим всегда. Здесь всегда найдется для тебя кровать, даже если мне придется ночевать в огороде. Но твоя мать в чем-то права, ну, что тебе нужно отсюда выбираться.

— Ты не одобряешь мою работу в Группе прямого действия? И ты тоже?

— Конечно одобряю, — ответил он, и отец с дочкой грустно посмотрели друг на друга.

Семья Бейли — Базельски в недалеком прошлом — приехала в Англию перед самой войной в качестве беженцев из Венгрии, где власти опасно шарахались из стороны в сторону и где в конце концов встал вопрос о жизни и смерти для любого, у кого были еврейские корни.

Роз помнила, как любила в юности слушать рассказы Сэмюеля, его воспоминания о Будапеште, где она родилась. О том, как они с Валери поженились, как счастливы были до тех пор, пока стало уже невозможно игнорировать неуклонно возрастающую мощь и зловещие амбиции соседней Германии. Про его судьбоносное решение покинуть родину вместе с женой и маленьким ребенком, когда местное правительство начало принимать разные антиеврейские законы.

— Почему же никто их не остановил? — все время спрашивала Розамунда, когда слушала, как их родственников отправляли в концентрационные лагеря в Освенциме и Трешлинке, и Сэмюель мог на это сказать лишь, что, наверное, сначала